

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

ЛУЧШАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

НЕ ВОЗЖЕЛАЙ

Колычев. Лучшая криминальная драма

Владимир Колычев

Не возжелай

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колычев В. Г.

Не возжелай / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2018 — (Колычев.
Лучшая криминальная драма)

ISBN 978-5-04-091211-7

Частное охранное предприятие Захара Байкалова давно работает с местным химкомбинатом. Но неожиданно ситуация меняется. Растущие доходы производства привлекают столичных воротил. На комбинате начинает хозяйничать новый директор, и первое, что он делает, – назначает на место Захара своего сына Олега. Однако бывший криминальный авторитет Байкалов не привык к такому обращению. Он берется показать наглецам, кто в доме хозяин. Тем более что московский выскочка Олег посягнул не только на часть его бизнеса, он еще положил глаз и на зазнобу Захара. А такое уж точно не прощают...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091211-7

© Колычев В. Г., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Владимир Колычев

Не возжелай

© Колычев В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Глава 1

Облака – кисельное нагромождение взбитых пуховых перин. Разогнаться, сигануть с горы на линию горизонта и с высоты птичьего полета рухнуть в эту бодрящую мякоть. Нереально? Пожалуй. Но Захару казалось, что для него нет ничего невозможного.

В юности он облазил Кукуй-гору вдоль и поперек – проверить себя, поймать кайф от острых ощущений. Повзрослев, он поднимался сюда вместе с Зойкой – пощекотать нервы, зарядиться адреналиновой энергией. И, главное, изгнать из их отношений скуку и сбросить ее вниз со скалы. Они забирались на самый край большого камня, нависающего над пропастью, и занимались любовью с риском для жизни. Ощущения – как приход для наркомана. К ним тянуло снова и снова. Может, потому и появилась у них с Зойкой идея построить дом на Кукуй-горе. А через год после того, как они задались целью, появились и возможности.

На горе фундамент ставить не обязательно, там и без того каменная порода, но Захар все же не стал отступать от правил. И ленточный фундамент будет – десять на двенадцать, и сруб из толстых бревен поставят. Материалы относительно недорогие. Относительно доставки. Пришлось нанимать вертолет, а это деньги на воздух. Если бы не связи, которые помогли сэкономить, Захар бы разорился.

Материалы уже на месте, бытовка стоит, электрический кабель бросили, насос уже качает из Водь-реки. На днях подтянется бригада строителей – из дальних краев. И альпинисты будут. Захар не стал привлекать людей из Алтанайска, не хотел привлекать внимание местных к своему дому. Работать ему придется на острие ножа, воткнутого в гущу криминала, да и менты имеют на него зуб. Пусть это будет его тайная обитель.

Строительство еще не началось, но бытовка уже стоит. Вагонка новенькая, свежий запах сосновой смолы отгоняет комаров, спать в этом вагончике одно удовольствие. А если еще и с Зойкой, да после встряски на краю обрыва...

Захар потянулся, лег на землю, отжался двадцать пять раз. И стал подниматься.

– Эй, не сачковать! – возмущенно протянула Зойка. – Давай пятьдесят!

Захар и не заметил, как она подошла.

– Вот когда полтинник стукнет, тогда будет пятьдесят. А пока что четвертной.

– А за меня?

Захар усмехнулся, глянув на Зойку. Девчонка в полной боевой, в смысле, в чем мать родила. Солнце сегодня с утра теплое, ветра нет, а если погода как в раю, то и гулять нужно голышом. И если фигура как у юной Евы, когда топорщится только там, где надо, а лишнего нет и не свисает.

– Двадцать три раза? – Захар качнул головой.

Он бы мог отжаться за ее двадцать три года, ему не в тягость, но уж лучше пусть Зойка сама за себя постарается. А он посмотрит – как она голышом. Наверняка это будет занимательное зрелище.

– Давай! – потребовала она.

Но Захар усмехнулся, качая головой. Он взглядом давал понять, чего хочет, и Зойка понимала его.

– Хочешь, чтобы я сама... В чем стою?..

– Доброе утро, жена!

Месяц прошел, как отгуляла и отплясала свадьба. Была у Захара женщина, которую он любил не меньше, чем Зойку, но это не помешало ему поставить штамп на своей свободе. И ничего, все нормально. Сожаления, может, и есть, но в холодном поту Захар не просыпается.

– Двадцать три раза? – спросила Зойка, подталкивая себя к капитуляции перед мужем.

– Если ты пацан, – усмехнулся Захар.

Было время, когда Зойка была в их компании за пацана. И относились к ней соответственно. Время попыталось расставить все по местам: Зойка повзрослела, налилась женственностью, как яблоко – соком. Сначала на нее запал Жак, но Зойка показалась ему легкой добычей, он бросил ее и продолжил охоту. А чуть погодя из мест не столь отдаленных вернулся Захар. И вместе с Зойкой отправился на Кукуй-гору, здесь все и произошло. Жак пожалел о своей глупости, попробовал, но не смог вернуть Зойку.

И женская красота в ней, и загадочная изюминка, и фигурка на загляденье. Но мужественность не исчезла, она осталась в характере. Зойка все такая же смелая и отчаянная, как прежде. Захар бросил вызов Ставру, первому в городе авторитету, и Зойка его поддержала. Подключился и Жак. И в такой переплет они тогда угодили! Но ничего, прошел год, и у них теперь свое частное охранное предприятие – «Горохрана». Сфера влияния – практически весь город. И Ставр уже ничего не может с ними поделаться. Ему сейчас ничего не остается, как искать мирные способы сосуществования с ними. И Зойка во всей их системе – чуть ли не первый человек после Захара. На ней столько завязано...

– Да не вопрос! – с приблатненной интонацией в голосе отозвалась Зойка.

И, подмигнув Захару, скрылась в бытовке. Минуты через две вернулась – в футболке и спортивных шортах. Захар усмехнулся. Все правильно, реальные пацаны голышом не понтуются.

Но Захару не нужен сейчас пацан. Ему нужна жена.

– Так не пойдет! – мотнул головой он, с ироничной улыбкой глядя на нее.

– Все путем!

– Двадцать три раза!

Захар принял упор лежа, отжался. А когда поднялся, Зойка уже стояла перед ним без одежды. И в призывной позе. Захар улыбнулся, блеснув фарфоровыми зубами. Зойка правильно его поняла, именно это он и дал ей сейчас понять.

Он стремительно подошел к ней, подхватил на руки.

– Когда-нибудь мы убьемся! – пробормотала Зойка, когда он уложил ее на самый край их любимого камня.

Уложил на матрас, который при сильных порывах тел все норовил сползти с камня. Но именно это и усиливало остроту ощущений.

– Надо прекращать, – кивнул он.

– Я бы не хотела, – мотнула головой она, завороченно глядя на него.

– Как только мы отпочкуемся, так и прекратим.

Зимой этого года Захар попал в оцип. Ему прострелили ноги, выбили зубы, еще бы чуть-чуть – и все. Но раны зажили, на месте выбитых появились фарфоровые зубы. А вот если они с Зойкой рухнут сейчас вниз со скалы, костей не соберут. Смерть не страшна, тем более одна на двоих. Но как только у них появятся дети, полеты над пропастью надо будет прекратить. Их дети не должны остаться сиротами. Так они решили...

Но ситуация в их системе сложная. Стабильность есть, но безопасности нет. В любой момент может прилететь пуля. Именно поэтому они не торопятся с детьми. Но при этом они торопятся жить.

– Ты будешь говорить или делать?

– Лови момент!

Зойка закрыла глаза, принимая предложенный ритм. Но очень скоро ей стало не хватать скорости, Захар задал жару, и матрас мало-помалу стал съезжать с камня. Но Захар не остановился. И Зойка продолжала сходить с ума вместе с ним...

* * *

Мсть – благородное дело. И для благородных людей. А Дорофей, он хоть и не голубых кровей, но далеко не какое-то там быдло. Его в Горновке знают, боятся, уважают. А на зоне он и вовсе на голубую кровь едва не перешел. Был там один фрукт, хотел права на нем качнуть, пришлось в рог ему дать.

А права у Юзыка на Дорофея были. Это все из-за Люськи, которая сама была во всем виновата. Ходила по поселку в короткой юбке, напрашивалась. Ну, Дорофей и не сдержался. А на зоне за «лохматую» статью предъявляют. Если не сможешь отбиться, заклюют, затыкают. У Юзыка челюсть хлипкой оказалась, вслед за ним в больничку никто не захотел. Не тронули Дорофея, но все пять лет его сторонились как опущенного.

А Люська все такая же, как прежде. Волосы распущены, платье короткое, облегающее. Живот, правда, уже не тот. Выпирает животик. И задницу по сторонам разнесло. Жопы с ушами. Грудь уже не так выпирает. Но Дорофей все равно смотрел на нее как кот на Масленицу. И желание отомстить затвердело до зуда в нервах.

Люська шла, глядя куда-то в сторону. Мужика, видать, заприметила. А реальный мужик он здесь, лоб в лоб.

– Ну, здравствуй! – ухмыльнулся Дорофей.

Люська аж подпрыгнула, увидев его. Глаза из орбит едва не выскочили.

– Ты?!

– Да вот, в отпускпустили.

– В отпуск?! – Люська хоть и была в шоке, но не поверила.

В натуре, какие на зоне отпуска?..

– Гульну с тобой, сукой, и обратно.

– Не надо со мной! – Люська попятилась, оглядываясь по сторонам.

Дорофей ухмыльнулся. Они находились в центре поселка: с одной стороны автостанция, с другой – пятиэтажка с универмагом. Люди ходят, но никто не станет заступаться за Люську. Дорофей мужик здоровый, метр девяносто в рост, рука такая же тяжелая, как у бабы нога. Кто в здравом уме захочет с ним связаться?.. Ну, если только менты.

– Как это не надо! Если ты на меня заявила, значит, еще хотела! И получишь!

Люська вдруг взбодрилась. Она смотрела куда-то за спину. Видно, подмогу заметила.

Дорофей развернулся и увидел пучеглазого мужика, который тянул к нему руку, собираясь схватить за плечо.

Дорофей ударил его с размаха, кулаком в челюсть. Мужик сначала упал, а потом уже удивился. И, хлопая зенками, сел на задницу.

– Костя! – Люська чуть не разрыдалась от обиды.

И руки сомкнула в ладонях, приложив их к груди.

– Кто? – икнув, спросил Костя.

– Дорофей!

– Кто?! – Мужик вскочил, собираясь взять реванш, но Дорофей остановил его – на этот раз с ноги.

Так в грудину въехал, что хребет хрустнул. Так и позвоночник в трусы может сыпаться.

– Готовься! – Дорофей глянул на Люську и движением руки показал, как будет натягивать ее парус на свою мачту.

И направился к магазину. Надо было взять пару пузырей особой краски. Водка, она белого цвета, но раскрашивает жизнь в радужные цвета.

– Я тебя посажу! – донеслось вслед.

Дорофей ухмыльнулся. Бессильная злоба со стороны опущенного могла только радовать.

Он мог бы повернуться и добить Костю. Но делать этого не стал. Горновка – поселок не простой, здесь не только участковый в опорном пункте милиции, но и целое отделение со своим уголовным розыском. Ментов здесь больше, чем нужно, и они только рады будут показать, что не даром едят свой хлеб. Заметут Дорофея, пришьют чужой ярлык и зашлют к Макару телят не гонять.

А у магазина стояли двое. Боров и Шулик. Один высокий, жилистый, другой короткий, но коренастый, эдакий маленький квадрат на ножках. Прыгающий квадрат. Дорофей своими глазами видел, как Шулик однажды врезал Борову с прыжка – кулаком. С одного удара срубил.

Раньше Боров и Шулик враждовали, а сейчас они вместе. Поддерживают друг друга. Стоят плечом к плечу, покачиваются. Рожи красные, глаза залитые. И оба на Дорофея смотрят. Но молчат, лбы морщат. И хотят что-то сказать, но не знают, с чего начать.

– Бухаем, братва? – спросил Дорофей.

– Бухаем, – кивнул Боров.

– Братва, – тяжело ворохнул языком Шулик.

– А где ханка?

Шулик сунул руки в карманы брюк и вывернул их. На нуле мужик.

– У Шляхова есть, – Боров повел головой в сторону дороги.

Дорофей проследил за его взглядом и увидел Костю, который открывал дверь новенькой на вид «семерки». И Люська собиралась садиться в машину вместе с ним.

– Шляхов?

– Ну, муж твоей Люськи... Люто ты с ним! – Шулик выставил вверх большой палец правой руки.

– Муж Шляхов, а жена – Шлюхова! – засмеялся Дорофей.

– У них водка дешевая, – сказал Боров.

– Двадцать рябчиков за пузырь. В магазине – сорок, – Шулик вяло махнул рукой в сторону пятиэтажки.

– Он что, самогон гонит?

– Какой самогон, если в магазине? – скривился Боров. – Чисто спирт. С водой.

– И не паленка, – кивнул Шулик.

– И много? – задумался Дорофей.

– Нам хватит.

– А кому отстегивает?

– В смысле, кому отстегивает? – Боров приподнял пальцем веко – для того, чтобы получше разглядеть Дорофея.

– Ну, крыша у него какая?

– Шиферная крыша.

– Какая, на шиферная... У нас тут что, рэкета нормального нет?

– А-а, рэкета!.. – наконец-то дошло до Борова. – Да был у нас тут Косой...

– Повязали его... – махнул рукой Шулик. – Гаркуша пожалился, менты меры приняли...

– Гаркуша?

– У него «КамАЗы» свои... Это, щебенъ в Алтанай возит... Ик!.. – Боров икнул и скривился, давая понять, что каждое слово дается ему с трудом.

– Может, менты сами с него снимают? – спросил Дорофей.

– Ты это, брать будешь? – спросил Шулик, поворотом головы показав на магазин.

– Да возьму, – в раздумье кивнул Дорофей.

Менты везде борзые, и нигде они свои позиции так просто не сдают. Но братва продавливает их, люди миллионные состояния на рэкет и крышах поднимают. Дорофей знал таких лично... И он может подняться.

* * *

Озеро Эбэр – изогнутый водяной рог посреди гор. Вода кристально чистая, солнечные лучи падают в нее, но тут же выныривают, подсвечивая озеро изнутри. И даже отражение темных хвойных гор не может затемнить его. Красиво. Но вода холодная, нужно собраться с духом, чтобы окунуться.

– А-а! – Олег разогнался, пробежал вдоль по мосткам над водой и сиганул в воду.

Он и вчера так делал, и позавчера. И ничего, жив-здоров. Даже насморк не подхватил.

Вода обожгла тело, кровь хлынула в голову, сознание просветлело. И от сна не осталось ни следа.

– О-о!

Олег вынырнул, зафыркал, сбрызгивая с губ воду. Хорошо!..

Он закалялся с детства. Сначала отец заставлял, затем сам вошел во вкус. И спортом занимался с ранних лет. Бокс, плавание, баскетбол. Большим чемпионом не стал, но спортивным телом обзавелся. Может, потому девушки на него и засматривались.

Олег заметил одну такую. И увидел свет, исходящий от ее улыбки. Девушка стояла за коттеджем и смотрела на него из-за угла. И можно догадаться, кто это.

На базе у озера всего шесть коттеджей по четыре номера в каждом, плюс директорский дом. Коттеджи как бы строили для передовиков производства, но отдыхало здесь, насколько понял Олег, заводское начальство. Неплохо устроились товарищи. Комбинат убыточный, долгов больше, чем воды в озере, а они отдыхают, ни в чем себе не отказывая.

Сейчас на комбинате новое начальство, а база отдана под гостиницу для специалистов, которые поднимают хозяйство – прокладывают транспортные магистрали, устанавливают и настраивают новое оборудование, работают над повышением производительности труда, совершенствуют схемы управления и сбыта. А Олег должен за всем этим следить. Как старший сын главного акционера. Потому и живет он здесь не абы где, а в директорском доме. Там все к его услугам, даже горничная персональная.

А горничная из местных. И зовут ее Люба. Девушка очень даже ничего собой – ясноглазая, белозубая, веселые ямочки на щеках. Пышная грудь, тонкая талия, нижний объем такой же аппетитный, как и верхний. Ножки стройные, но щиколотки широкие. Да и без этого видно, что Люба склонна к полноте. Впрочем, Олегу все равно. Он жениться на этой простушке не собирался. Жизнь длинная, а планы на Любу короткие. Лекарство от скуки, не более того.

Олег подплыл к мосткам, зацепился за край, подтянулся, демонстрируя мышечную силу. Люба смотрела на него, любовалась, а он рисовался перед ней. И сила у него есть, и мышечные кубики на животе в наличии. Был и размер в плавках, но после холодной воды он просто не мог выглядеть внушительно.

Олег взял полотенце, вытерся, направился к дому. И Люба шмыгнула за угол, как будто ее и не было.

Она сидела на скамейке у закрытой двери. И вид у нее был отстраненно-задумчивый. Как будто она и не знала, где хозяин дома и чем он занимается.

– Ой! Олег Александрович! – восторженно воскликнула Люба, увидев его.

Вскочила, повернулась к нему, ярко улыбнулась. Зубы у нее идеальные от природы, стоматолог там не ковырялся. А сарафан сам по себе не рождается, его шить нужно. Хорошая материя, кройка со вкусом, шитье, но этого как раз и не было. Есть дыня с названием «Колхозница», так вот и сарафан из той же серии. Но дыни в нем смотрелись аппетитно.

– Чего сидим? – Олег насмешливо смотрел на нее, полотенцем вытирая затылок.

Рука поднята вверх, грудные мышцы в движении. Это должно возбудить Любу.

– Да вот, думала, что вы уже уехали.

По долгу своей службы Люба не должна была действовать Олегу на нервы, поэтому она приходила после того, как он уезжал на завод. Это сегодня он припозднился. Лишнего вчера себе на грудь позволил, спать лег после двенадцати, а сегодня с трудом разодрал глаза.

– И ключа у тебя нет?

– Есть! – Люба достала из кармана ключ.

– Ну, и чего сидим?

– Ну, солнце сегодня хорошее... – опустив голову, затаенно улыбнулась она.

– Открывай.

Люба кивнула, открыла дверь, посторонилась, пропуская Олега.

– Не открыла. – Он постучал по своей груди.

– Как не открыла?

– Дверь в мою душу. В прихожую к моему сердцу.

– В душу? – Люба захлопала глазами.

– В сердце к мужчине можно попасть через голову, через душу. И через желудок.

– Да, через желудок, я слышала... – закивала Люба.

Олег обнял девушку за талию, она дернулась, как будто вокруг нее змея обвилась. И дернулась в сторону от входа, но он подтолкнул ее к дверям. И заставил зайти в дом.

– Через желудок – это как через пожарный выход... Ты умеешь готовить?

На директорский дом не скупилась. Кухня, совмещенная со столовой, каминный зал, три спальни, мебель из советских времен, но из внешнеторговых фондов.

Кухня в полном комплекте: гарнитур, мойка, электроплита, дорогая посуда. Сюда Олег и увлек Любу, заставив ее упереться задом в разделочный стол.

– Ну конечно!.. – с тревогой во взгляде улыбнулась она. – У меня такие вкусные голубцы получаются, даже тетя Тая так не может...

– А пожарным выходом пользоваться умеешь?

– Ну, если ключ от него есть...

– Пожарный выход всегда должен быть открыт. Шланг, брандспойт – все должно быть подключено... Брандспойтом пользоваться умеешь?

– Я же не пожарный! – Люба мотнула головой, большими глазами глядя на него.

– Мужчина загорается как спички. Если женщина не умеет его тушить, то какая она жена? – Олег пристально смотрел на нее.

– Я не жена!

– А надо уметь. Иначе мужчина будет гореть на чужой женщине. Пока не перекинется на другую...

– Я вас не понимаю.

– Настоящая жена должна сделать так, чтобы муж горел только на ней. Настоящая жена должна все знать и уметь...

– Что знать?

Олег хитро усмехнулся, повернулся к Любе спиной и на ходу бросил:

– Там в холодильнике что-то есть, приготовь мне что-нибудь.

– Хорошо.

– Но учти, абы что я не ем.

Люба приготовила «ленивые» вареники, подпекла в духовке бутерброды с ветчиной, получилось очень вкусно. И Олег ее похвалил. Но про пожарные выходы с брандспойтами больше не говорил. И рукам волю не давал. А Люба ждала. Уж очень хотелось ей поговорить с ним на тревожную тему, нужно же было показать, что она не *такая*...

Это у него на нее были короткие планы, а она собиралась въехать на нем в далекие перспективы. Олег не мог ее за это осуждать, но губозакаточная машинка без дела не останется. Но губы сначала нужно раскатать, и он уже занялся этим...

* * *

Цех в сарае, спирт в канистрах, вода в колодце. В поселке у Шляхова свой пункт приема стеклотары, так что с бутылками до последнего времени проблем не было. Пока пункт этот не сгорел.

Шляхов стоял на пепелище и чесал репу. Он даже не заметил, как Дорофей подошел к нему.

– Вагончик надо было покрасить.

Шляхов дернулся как ужаленный, едва услышав его.

– Тут дома нормальные, а у тебя вагончик не покрашен. В пейзаж не вписался. Такой вот натюрморт.

– Ты сжег?

– Никто ничего не докажет, – ухмыльнулся Дорофей.

– Ты!!! – Шляхов неосторожно ткнул в него пальцем, но попал на прием и взвыл от боли.

– Ты в кого пальцем тыкаешь, урод?.. Я в твою Люську по самое не балуй натыкаю!.. А потом в землю! И никто ничего не докажет, понял?..

– Понял, понял... – захныкал мужик.

– Ну, если понял, давай домой. И за сараем гляди, а то сгорит не ровен час.

– Сарай?! – обомлел Шляхов.

– А как ты хотел? Противозаконный спирт сам по себе загорается, а ты не знал? – ухмыльнулся Дорофей.

– Почему противозаконный?

– А это ты в налоговой спросишь.

– Да нормально у меня все...

– Проверим. Обольем тебя спиртом, если загорится, значит, нормально все...

– Шутки у тебя... – У Шляхова от бессильной злобы дернулась щека.

– Это не шутки, это кошмар. В твоей жизни... Хочешь в кошмаре жить?

– Э-э, может, договоримся? – наконец-то допетрил мужик.

– Договоримся, – ощерился Дорофей. – Если хочешь спокойно жить, будешь платить. Если нет, сначала Люську твою на шутки пустим, а потом и тебя.

– Сколько?

– Пять рублей с пузырька.

– Сколько?! – взвыл Шляхов.

– Через неделю зайдешь, занесешь. Или я сам приду. У Люськи там бухгалтерия под юбкой, зайду, проверю.

Шляхов до боли закусил нижнюю губу и закрыл глаза. Дорофей усмехнулся, наслаждаясь его поражением. Ну вот и настал праздник на улице непуганых идиотов.

* * *

Комбинат строили давно – как центр по переработке побочного продукта от металлургических предприятий. Аммиак здесь получали из кокса и коксового газа. Транспортная инфраструктура, водные ресурсы, рабочая сила – все есть, но не хватало коксового газа. Металлургия в стране заглохла, отсюда и проблема. Но не так давно неподалеку от Алтанайска открыли крупные залежи природного газа, добыча идет, путепроводы построены, переоборудование закончено. Не счесть, сколько денег вбухано в этот проект.

Впрочем, Олег не сомневался, что игра стоит свеч. Его отец никогда бы не поставил на темную лошадку. Но в то же время на карту поставлено если не все, то многое. Если проект

прогорит, семейный бизнес может попросту рухнуть. Потому и переживает отец, потому Олег здесь, на месте. Он, может, и несильный специалист в этой области, но у него экономическое образование, какой-никакой опыт работы. И главное, личная заинтересованность. Нет у него желания становиться сыном банкрота. Поэтому он смотрит за работой во все глаза, вникает, анализирует и даже принимает важные решения, пусть и с одобрения отца.

Но допоздна он все же старался не задерживаться. Что ни говори, а производство на комбинате вредное, аммиачные пары отнюдь не способствуют укреплению легких.

И сегодня он вернулся на базу в пятом часу. Для первого летнего месяца время раннее. А резиденция у него немаленькая, поэтому Люба только-только закончила убираться. Она сидела на кухне, пила кофе. И о чем-то думая, не заметила, как к дому подъехала машина. И Олега тоже прозевала.

– Олег Александрович! – всполошенно спросила она.

– А чего так испуганно? – усмехнулся он.

– Разве?

– Ты если любовью заниматься будешь, по сторонам оглядывайся. А то зайду, не заметишь.

Олег с интересом смотрел на нее. Волосы у нее убраны на затылок, маленькие ушки забавно оттопырены. Форменное платье на ней с фартуком; в этом наряде она смотрелась куда лучше, чем в своем дурацком сарафане. Еще бы подол укоротить. Да туфли на шпильке надеть. Ну, и чтобы походка от бедра. Чтобы грудь, покачиваясь на ходу, входила в резонанс с его желаниями.

– Чем заниматься?! – Люба потрясенно уставилась на него.

– Сексом... Кто у вас тут сексовик-затейник?

– Что вы такое говорите?

– Охранник там на воротах молодой, здоровый...

– Да я бы никогда!

– Сколько тебе лет?

– Двадцать...

– Двадцать два, – усмехнулся Олег.

– Вы узнавали? – покраснела Люба.

– И ты ни разу, ни с кем?

– Так было бы с кем!

– Ну как я сразу не догадался! – Олег с досадой хлопнул себя ладонью по лбу. – Ты же всю жизнь ждала меня!

– Как я могла вас ждать, если я вас не знала? – Люба отвела в сторону глаза.

Сама понимала, что выглядела сейчас глупо, но признаваться ему в этом не хотела.

– Не могла ждать, – кивнул он. – Но дождалась. Вот он я! Можешь получить под роспись!

– Под роспись? – Люба заинтригованно глянула на него.

Наверняка она подумала о росписи в загсе.

– Есть авторучка... – Олег подошел к ней, двумя руками обнял за талию.

Люба даже не дернулась, лишь только внутренне напряглась – до легкого дрожания в теле. И он не стал развивать вслух свою мысль. Авторучка с передергиваемым затвором, вовсе не фиолетовые чернила – все это так пошло. И неуместно – для девочки, которая мечтала о принце.

– Ты уже закончила? – спросил он, прижав ее к себе низом живота.

– Не надо! – Она изобразила попытку оттолкнуться.

– Я скоро уезжаю... Хочешь со мной?

Да, он мог бы увезти ее в Москву. На пару дней. Поселить в гостинице, покатасть по городу в своем кабриолете, а потом обратно в Тьмутаракань. Только так и не иначе.

- Хочу!
- А ты будешь тушить пожар?
- Зачем? – пробормотала Люба, хмелея от прилива чувств и желаний.
- Чтобы я не загулял... Ты же не хочешь, чтобы я гулял от жены?
- Нет.
- А тушить умеешь?
- Я попробую.

Фартук снялся на «раз», платье – на «два». А на счет «три» Олег положил горничную на лопатки. И без слов, но наглядно объяснил ей принцип действия двигателя внутреннего сгорания. Запуск механизма, впрыск топлива, движение поршня в цилиндре. И это было нетрудно. Компрессия в ее цилиндре хорошая, но чувствовалось, что там побывал уже не один поршень. Впрочем, Олег на иное и не рассчитывал.

* * *

Слезы лились из двух глаз. Но в три ручья. И с ревом. Люба глаза не протирала, шла по дорожке с опущенными глазами. И редела она с закрытым ртом – рыдания сдавленные, утробные.

- Ну и что у нас такое случилось? – спросил Федор.

Он принял дежурство, заступил на вахту. Погода отличная, настроение еще лучше. И работа у него не бей лежачего. Сторожка у ворот со всеми удобствами, с телевизором; зимой в ней тепло, летом прохладно. А природа какая! Один вид на Эбэр-озеро чего стоит... Зарплата, правда, неважная, в городе пацаны получают побольше. Но, говорят, скоро комбинат даст первую реальную прибыль, и тогда с начальства снимут за охрану по полной. Это сейчас оплата идет в щадящем режиме, но скоро все изменится. И тогда Федор заживет.

- Ничего! – всхлипнула Люба.
- Мажор обидел?
- Не твое дело! – в голос зарыдала она.
- Тише ты, уволят.
- Уже уволили!.. Сказали, чтобы я больше здесь не появлялась!..
- Все равно, тихо.

Федор обнял девушку за плечи, потянул в сторожку, и она покорно пошла за ним.

Сторожка маленькая, но из двух комнатук – одна остекленная, со столом и телевизором, в другой кушетка и холодильник. Федор завел девушку в спальное помещение, усадил на кушетку.

- Кто уволил? – спросил он.
- Мажор!.. Сказал, что я его обманула!.. А у меня только Генка был... – Люба на секунду задумалась. – И Славка... Ну, и с Гришкой немного... И не совсем...
- Что, значит – не совсем?
- Отстань! – Люба закрыло лицо руками и боком завалилась на кушетку.
- Идиот он, этот твой мажор!.. Сейчас девственницу только в младших классах можно найти.
- Я в старших классах была! – заревела Люба.
- Мне, например, все равно... – Его рука вдруг оказалась под подолом ее сарафана.
- Что ты делаешь? – Люба вдруг перестала плакать.
- Попка у тебя прохладная... Это из-за слез. Это же влага. А когда влага испаряется, температура понижается. Ты больше не плачь, а то совсем остынешь, тогда все...
- Я не плачу, – встревожилась Люба.
- Федор переместил руку с одного полузадия на другое.

– Ну вот, здесь уже теплей...

– Это рука у тебя теплая.

– Ну, кто-то же должен тебя согреть... И счет округлить...

– Какой счет?

– Ну, кто там у тебя был? Генка, Славка и Гришкина половинка... Возьмешь мою половинку, и будет «три»...

– Какую половинку?

– С мажором по полной было? – изнывая от нетерпения, спросил Федор.

– Он как набросился на меня... А утром сказал, что я его обманула...

Люба вздохнула. Она уже поняла, что его мало интересует ее история о матросилах и бросилах. Он сам собирался задать ей жару, а она уже настраивалась на утешение. И на новое увлечение.

Но Федор на серьезные отношения не настраивался. Не готов он к этому. Но мажора он осудит. И пожалуется на него начальству. Хотя бы потому, что задача у него такая – следить и сообщать о каждом шаге московского фрукта.

Глава 2

Гравийный щебень – товар хороший, но громоздкий, ладошками его не вычерпашь, не вывезешь. Тут экскаватор нужен, самосвалы. Все это у Гаркуши есть. Только вот совести ему не хватает. Ничего, Дорофей добавит.

Подлеца взяли по всем правилам разбойничьей науки. Свалили дерево поперек дороги и, когда Гаркуша вышел из кабины, окружили его.

– Ну вот и приехал! – оскалился Дорофей, вынимая нож из сапога.

Дорога узкая, лес глухой – лучшего места, чтобы убить, и не придумаешь. А убить Дорофей мог. И Боров с Шуликом останавливать его не будут. А Боров еще и пальнуть мог из своего обреза. Все это Гаркуша прекрасно понимал, поэтому его затрясло от страха.

– Помнишь Косого? Помнишь, как ментам его сдал?

– Я не сдавал!.. Менты сами! – брызнул слюной Гаркуша.

Дорофей презрительно усмехнулся. За сорок лет мужику, все лицо в морщинах, совсем уже взрослый, а ведет себя как сопливый юнец. И страшно ему, и врет не задумываясь.

– Так и нож в тебя сам войдет.

– Не надо!

– Как это не надо? Мы с Косым одну зону топтали, – соврал Дорофей. – Он привет тебе передавал... Тебе брюхо вспороть или глотку перерезать?

– Брюхо, – засмеялся Боров. – Там у него щебень. В «КамАЗ» загрузим и продадим.

– Может, он лучше сам продаст, – вслух подумал Дорофей. – Он знает, куда толкнуть. Просто с нами потом поделится, и не вопрос.

– Поделюсь, поделюсь! – закивал Гаркуша.

– Поделишься, – кивнул Дорофей. – Мы же с ментами делимся, и ты с нами поделишься.

Дорофей снова соврал. Не делился он с ментами. Но ведь собирался. Шляхов им уже отстегнул, Махонин еще пока созревает, не сегодня-завтра с него капнет, чтобы Дорофей не сжег его цветочную оранжерею. Тетю Тоню в оборот с ее магазином взяли, козырек над крыльцом у нее сожгли. Если она к ментам побежит, то и весь магазин сгорит. Кажется, до нее уже начинает доходить. И Гаркуша должен понять, что лучше откупиться, чем в своих кишках потом барахтаться.

– Ну хорошо, – кивнул мужик.

– Учти, у нас в ментовке свой человек, – зашипел ему в лицо Дорофей. – Ты еще заяву не напишешь, а мы уже узнаем про твой стук-стук. И пристукнем, на! Понял!

– Да понял! – Гаркуша затравленно глянул на него.

– Ну, тогда живи... До первого косяка...

– Если что, я тебе, падла, башку снесу! – Боров угрожающе передернул затвор своего обреза.

– Да понял я, понял!

На Гаркушу жалко было смотреть. Но жалеть его Дорофей не собирался. У него большие планы на будущее, и его ничем уже не остановишь.

* * *

Комбинат химических удобрений – структура серьезная, и стоят за ней солидные люди. Потому на встречу с директором комбината Захар приехал лично сам.

Он был здесь зимой, тогда комбинатом руководил один человек, сейчас другой, но ему все равно, с кем договариваться.

- Я знаю, как это бывает... – усмехнулся средних лет мужчина в безупречном костюме. Густые широкие брови, крупные глазницы, а нос тонкий, как будто хрящ моль обглодала.
- Сначала на пятьдесят процентов поднимут, потом снова на пятьдесят...
- Игнат Ильич, я предложил поднять плату сразу на двести процентов, – качнул головой

Захар.

На нем тоже дорогой костюм и туфли из крокодиловой кожи. Это зимой он был одет кое-как. И с комбината в город возвращался на убитой «восьмерке». А по пути нарвался на знакомую проститутку, а вместе с ней на дезинформацию. Авторитетный Джин пытался стравить его с Жанной, с дочерью самого Ставра. Чуть погодя прилетела одна пуля, сразу вслед за ней другая. И такая тогда каша заварилась... Если бы Кадомцев знал, в каких переплетах ему пришлось побывать, он бы сейчас не корчил из себя крутого.

– Значит, ты играешь по-крупному... – натянуто улыбнулся Кадомцев. – И ставки будешь поднимать по-крупному. Одну ставку за другой.

– Мы берем фиксированную плату, а не процент от прибыли. Поэтому ставка будет подниматься, но в пределах инфляции.

– Ну, ты можешь говорить что угодно...

– Игнат Ильич, если вы заметили, я обращаюсь к вам на «вы».

– А разве возраст не имеет значения? Мне сорок семь, а вам?..

– Двадцать шесть. И вы должны это знать.

– Должен.

– Кто не владеет информацией, тот не владеет ситуацией. А если ты не владеешь врагом, враг овладеет тобой. Все просто. И страшно.

– Это угроза? – не зло и без вызова спросил Кадомцев.

– Я не бандит, чтобы пугать и запугивать, – спокойно сказал Захар. – Напротив, моя задача – обеспечивать вам безопасность.

– И не важно, хочу я этого или не хочу?

– Вам не нужна охрана?

– Руководство компании приняло решение вернуться к прежней, автономной системе охраны.

– С этого бы и начинали, – с каменным лицом сказал Захар.

Дверь открылась, и в кабинет упругой походкой вошел молодой, подтянутый мужчина. Правильные черты лица, прямой нос, породистая линия скул; высокий, плечистый. Взгляд строгий, в глазах металлический блеск с ироничным отливом. Холеная внешность, безукоризненный деловой стиль.

– Олег Александрович с этого и начнет, – улыбнулся Кадомцев.

Он и не думал, казалось, представлять вошедшего. Да и мужчина не проявлял желания знакомиться с Захаром.

– Олег Александрович Шустов, сын генерального директора компании «Алхиминвест-пром», – глядя в пустоту, едва слышно сказал Захар.

– Олег Александрович, ваше слово.

– А что здесь говорить? – усмехнулся Шустов. – Компания «Алхиминвестпром» отказывается от услуг вашей... э-э-э...

– Частное охранное предприятие «Горохрана», – подсказал Захар.

– Мы отказываемся от ваших услуг, – подтвердил Шустов.

И кивком головы деловито показал на дверь. Захар усмехнулся в ус. Домашний мальчишка возмнил себя крутым боссом. Это диагноз, придется проводить лечение.

– Это после того, как мы полгода несли службу себе в убыток?

– Вас никто не заставлял жертвовать своим финансовым благополучием ради нас, – усмехнулся Шустов.

– Вам придется заплатить неустойку.

– Где, в каких документах это прописано?

– Полмиллиона долларов, и мы расходимся.

– Людей смешить не надо! – хохотнул вдруг Шустов.

– Кому смешно? – Захар посмотрел на него спокойно, но с уверенностью человека, способного рушить чужие судьбы.

Он не вкладывал в свой взгляд всю свою внутреннюю силу, он просто смотрел – тяжело, немигающе. И Шустова проняло.

– Вот только не надо на меня так смотреть! – занервничал он.

– Я задал вопрос, – негромко сказал Захар. – Ты должен ответить.

– Мне смешно!

– Ты не ответил, – качнул головой Захар.

– Ну как же не ответил!.. Ты спросил, кому смешно, я ответил, что мне... – Шустов чувствовал себя не в своей тарелке, но продолжал пыжиться.

Он чувствовал себя полным хозяином – на своем заводе. Но на чужой земле.

– Отвечают не так.

– А как?

– Мы охраняли комбинат себе в убыток, – сказал Захар. – И если мы больше не нужны, вы должны выплатить компенсацию. Я сказал сколько.

– Отлично! Подавайте в суд!

Захар поднялся со своего места, неторопливо, не сводя глаз с Шустова, застегнул пиджак на одну пуговицу.

– Суд уже состоялся, – невозмутимо сказал он. – Не советую ждать судебных приставов. Лучше оплатить исполнительный лист сразу... Всего доброго!

Не дожидаясь ответа, Захар повернулся к двери и вышел из кабинета. И с таким видом, как будто побывал в обычном магазине и сделал ничем не примечательную покупку.

Кадомцев человек на заводе новый, и Шустов также далек от суровых местных реалий. Поэтому Захар не стал им угрожать карами. Они люди неглупые, и если у них есть желание жить без проблем, то появятся и возможности овладеть ситуацией. Пока ситуация не овладела ими.

* * *

Дверь закрылась тихо, но Олег оглушенно вздрогнул. И озадаченно глянул на Кадомцева.

– Это было ваше решение, Олег Александрович, – развел руками тот.

– Да?

Олег задумался, но не над главным, а над побочным вопросом. Байкалов перетряхнул его изнутри своим взглядом, как будто плугом душу вскопал. Может, потому и потерял он ориентацию в пространстве. Олегу понадобилось время, чтобы понять, сидит он или стоит.

– Что вы знаете об этой «Горохране»? – спросил он, осознав наличие опоры под задницей.

Опора плоская, но ощущение такое, будто она взбурлилась.

– Руководитель у них не очень солидный, – усмехнулся Кадомцев. – Предприятие крупное, а руководитель молодой. Захар Байкалов.

– Какой-то он черствый... И эти шрамы... – Олег провел пальцем по лбу, затем по щеке к уху.

– Ну, парень он бывалый...

– Бывалый, – кивнул Олег.

Он все еще находился под впечатлением. Байкалов действительно молод, но сколько же в нем внутренней силы, если его взглядом можно забивать гвозди?.. На бандита он вроде бы

не похож, но эта его манера держаться. А сила притяжения... Он говорил тихо, но Олег все слышал. Потому что под воздействием этой силы вынужден был заострять слух.

– Могут возникнуть проблемы, – сказал Кадомцев.

– Но я не могу отменить своего решения, – мотнул головой Олег.

Да, этот Байкалов обожжен жизнью, как глиняный горшок в печи, но так и Олег не пальцем деланный. Он с детства закалял не только тело, но и характер. Он такой же крутой, как и его отец, который никогда не был бандитом, но заставлял их себя уважать. И он бы ничего в этой жизни не добился, если бы кланялся братве. И Олег не поклонится.

– Хозяин – барин! – кивнул Кадомцев.

– Люди у нас на охрану есть, – в раздумье проговорил Олег.

– Да, старые кадры...

– А новые пусть обратно в свой Алтанайск проваливают. И пусть передадут Байкалову, чтобы он больше к нам не совался.

– Пусть передадут... А если вдруг Байкалов сам вызовет вас на разговор, вы, пожалуйста, следите за словами. Он человек сдержанный, но если вы вдруг пошлете его прямым текстом... Говорят, был один такой, имел неосторожность послать... Байкалов достал пистолет и молча выстрелил в него.

– Говорят?

– Ну, если бы знали точно, Байкалов бы уже сидел... Наверное... А может, и нет... У него сейчас связи на всех уровнях, в органах, в мэрии...

– И все эти уровни – на уровне города... – усмехнулся Олег. – А за нами Москва!

– Москва далеко, а Байкалов близко.

– Игнат Ильич, вы пытаетесь меня испугать?

– Ни в коем случае. Просто вы должны осознавать существующие угрозы.

– Речь идет всего лишь об охране нашего предприятия. Байкалов не требует процент от прибыли, а почему? Потому что боится. Сегодня он потребует, а завтра в Алтанайск придет особая группа из Генеральной прокуратуры. И он прекрасно это понимает. И поэтому он не станет лезть на рожон.

– А полмиллиона долларов?

– Это всего лишь игра на публику. Хорошая мина при плохой игре. Поверьте, Байкалов здесь больше не появится. Он знает, кто мой отец, и знает, как опасно связываться с ним...

– Надеюсь, что так и будет, – кивнул Кадомцев.

– Будет как это нужно нам, – заверил его Олег.

В мире большого бизнеса полно угроз разного толка – это и проблемы с бандитами, и финансовые риски. И если каждую угрозу воспринимать всерьез, можно сойти с ума. Отец не сошел. Потому что он сильный человек. И Олег просто обязан брать с него пример. И гнать в шею всех, кто навязывает ему свои условия. Представителю «Алтанай-Банка» показали кукиш с маслом, и Байкалову такой же крендель в дорогу. Хитромудрый банкир пилюлю сглотнул, и этому не отрыгнется.

* * *

Строительные блоки, тротуарная плитка всегда в цене, а производить этот товар можно дома. Сколотил сарай, поставил в нем оборудование, и вперед. Макарыч так и поступил. Работа идет полным ходом. Только вот проблемы у него вдруг возникли.

– Цех твой нигде не зарегистрирован, налоги ты не платишь. Непорядок, Иван Макарович, – ухмыльнулся ему в лицо Дорофей.

– А ты что, из налоговой инспекции? – буркнул мужик, отряхивая запыленную куртку.

– Из инспекции. Будешь платить налог мне. А заявишь в ментовку, мы тебя с потрохами сдадим.

– Э-э! – протяжно вздохнул Макарыч. – Креста на вас нет!.. Я же в долгах как в шелках! Еще ничего не заработал, а уже плати!.. Лучше бы этих, капиталистов проклятых, трясли! – Он махнул рукой в сторону, где дымили трубы химического комбината.

– Капиталистов?

– Ух, мироеды!.. – Макарыч махнул кулаком в ту же сторону.

– Говорят, Любку твою обрюхатили! – хохотнул вдруг доселе молчавший Шулик.

– Кто обрюхатил? – заинтригованно сощурился Дорофей.

– Никто не брюхатил! – встрепенулся Макарыч.

– Да ладно! Все уже знают, как она сынка на себе женить хотела.

– Какого сынка? – Дорофей удивленно глянул на Шулика.

Интересное дело, все знают, а он – нет.

– Так это, сын большого начальника...

– Большого начальника! – передразнил Макарыч. – Сын самого большого начальника! Из Москвы! Сын миллиардера!

– А у вас тут значит, внук миллиардера будет? – засмеялся Дорофей.

– Не смешно! – надулся Макарыч. – Проклятые капиталисты мою девочку обидели, а ему смешно!..

– Так нам что, наказать этого капиталиста нужно? – задумался Дорофей.

– Кто его накажет? Вы?! – презрительно фыркнул Макарыч. – Кишка у вас тонка! Вы только со своими воевать умеете! Чтоб чужие боялись!.. Тьфу на вас!

Мужик толкнул Дорофея в плечо и скрылся за калиткой, закрыв ее на задвижку.

– Ничего себе! – возмутился Шулик.

Но сам Дорофей промолчал. Он думал. А почему бы им действительно не наехать на папочкиного сынка?

* * *

Всю ночь ему снились кошмары, не выспался он. Потому и клюнул носом, едва только машина выехала из ворот базы.

Олег уже засыпал, когда водитель ударил по тормозам.

– Твою мать!

Под машиной что-то лопнуло. «Мерседес» повело в сторону, он остановился.

– Вот уроды! – Родик выдернул из кобуры пистолет, вышел из машины.

Водитель исполнял функцию телохранителя. Родик был опытным бойцом, но в одиночку он не смог удержать ситуацию под контролем. Какие-то люди набросились на него, сбили с ног.

У Олега оружия не было, но все же он оказал сопротивление. Открылась дверь, какие-то личности с пропитыми рожами вытащили его из машины. Он ударил одного, второго, но что-то тяжелое опустилось ему на голову, и после яркой вспышки стало вдруг темно.

В себя он пришел в лесу. Он сидел на земле, привязанный к дереву, а на него смотрели знакомые уже рожи. От них разило перегаром, хоть спичку не зажигай.

Один тип, крупный, с длинными сильными руками, держал в руках его бумажник. Там банковская карточка, наличность. Вряд ли этот мутант с гипертрофированной физиономией знал, как пользоваться карточкой. Поэтому он и не спрашивал пароль. Зато наличность пересчитал. А там девятьсот долларов и восемнадцать тысяч рублей.

– Забирай все! – разрешил Олег.

Он глянул по сторонам, но Родика нигде не увидел. Неужели убили?.. Но если так, то и его не пощадят. Хотя и могут. Если Захар организовал это нападение с целью запугать... Если это Захар...

– Тебя забыл спросить! – ощерился детина, засовывая деньги в карман.

– Кто вы такие?

– На том свете узнаешь. Когда спросишь, кто тебя угандошил...

Детина отбросил в сторону бумажник, вынул из-за пояса пистолет Родика, направил его на Олега и нажал на спусковой крючок.

– Бабах! – От его крика зазвенело в ушах.

И кровь застыла в жилах.

– Что, страшно стало?!.. Ничего, больше пугать не стану. – Детина снял пистолет с предохранителя, передернул затвор.

– Я могу вам заплатить!

– Не мне. Ты, козлина, сестру мою обидел.

– Твою сестру?

– Люба ее зовут.

– Люба?!

Олег до боли закусил губу. Да, с Любой вышло нехорошо. Запала хватило только на одну ночь, утром он на Любу уже и смотреть не мог. Он сказал, что любовь прошла, она устроила ему истерику, пришлось выставить ее за дверь.

– Обрюхатил бабу, будешь теперь алименты платить.

– Алименты?

– Пятьдесят тысяч долларов в месяц.

– Ну хорошо!

Олег согласился бы и на миллион долларов, лишь бы его отпустили. А там он уже разберется.

– Настучишь ментам – за изнасилование сядешь, понял?

– Я Любу на насилывал.

– А братве на зоне все равно! – осклабился детина. – Если закрыли, значит, лохматил. А у нас там таких любят. Петушить...

– Я все понял.

– Любку обратно к себе на работу возмешь. Будешь платить ей на пятьдесят штук больше.

– Договорились.

– И смотри у меня!

– Ну что ты!.. Я же вижу, какие вы тут крутые!.. Лихо вы меня подрезали! – Олегу понадобилось усилие, чтобы изобразить удивление.

– Еще не подрезали! – В руке у детины вдруг появился нож.

Олег напрягся: мало ли что у этого крестина на уме. А тот зашел сзади, затаился. Олега залихорадило от нервного напряжения. Он не видел нож, но чувствовал его на своей шее. Одно движение, и все.

Но детина не стал его убивать. Он разрезал веревки, дал пинка и засмеялся, глядя, как Олег убегает от него. Похоже, этот придурок всерьез поверил в свою победу.

* * *

Шашлычная принадлежала Араму, а за ним своя, армянская, мафия. Дорофей наехал на него, но из города нагрянули внушительного вида люди. На этом все и закончилось. Дорофей признал право сильного и отступил. Но никто не мешал ему гулять в шашлычной за свой счет.

Все, закончились посиделки в оврагах за перевернутым ящиком. Теперь они с пацанами будут гулять цивилизованно – пить хорошую водку, закусывать горячим. И девочек должны подвезти. Арам все организовал, за дополнительную плату. Три девочки на пять рыл, не так уж и плохо. Будет и четвертая, но чисто для Дорофея.

Пять бойцов у него в подчинении. Пацаны все пьющие, но отчаянные. Он уже поставил на уши весь поселок. И до комбината добрался. Плевать ему на Любку, она всего лишь повод снять плату за право работать на его земле. Пятьдесят штук в месяц, и никаких проблем.

– Ну, пацаны, будем! – Дорофей поднял стопку.

– Дорофей, братуха! Если бы не ты! – Шулик пустил пьяную слезу.

– Если бы не вы, пацаны... За вас!

Дорофей и сам чуть не прослезился. Лихо они проворачивали свои дела, и этим он мог только гордиться. Особенно круто поступили с папочкиным сынком. И выследили его, и ленту с шипами на дорогу выложили. Мало того что бабки с него сняли, так еще какую рекламу себе сделали. Теперь все будут знать, что банда Дорофея контролирует химический комбинат. И снимает дань с капиталистов, которые эксплуатируют рабочий люд. А таких в поселке половина.

– Дорофей! – встрепнулся вдруг Частик, здоровяк с изуродованным ухом.

Но Дорофей не понял его. И приложился к стопке. В этот момент перед лицом что-то мелькнуло, и стакан больно врезался в зубы и, разбиваясь, влез в рот.

Дорофей не понял, откуда взялись люди с битами. Но понял, что за них взялись всерьез. Очередной удар по голове сбил его с ног; он упал, попытался подняться, но на него рухнул Боров.

Дорофей сам выбрался из-под Борова, но тут же снова получил по голове.

Очнулся он в машине, связанный по рукам и ногам. На голове у него был мешок, завязанный на горле. Он исходил на желание задать вопрос, но кляп во рту мешал это сделать.

Машина остановилась, его вытащили из салона, бросили на землю. С головы сняли мешок, и он увидел здоровяка в кожаной куртке, который и не думал прятать лицо. Он стоял на фоне полной луны, курил и смотрел на Дорофея бездушными глазами.

– Знаешь, кто я такой? – спросил он.

Дорофей мотнул головой. От страха у него отнялся язык, и он не мог произнести ни слова.

– На том свете узнаешь. Когда спросишь, кто тебя угандошил.

Дорофей напряг извилины. Где-то он уже слышал эти слова. Ну, конечно же, он сам же их и произнес. Над телом папочкиного сынка. А тот вернул их обратно... Ну, конечно же, это Шустов и прислал ответку... Можно было бы сразу догадаться.

– Я больше не буду! – мотнул головой Дорофей.

Он очень хотел жить и уже жалел о том, что ввязался в гиблое дело. Надо было на шабашку идти, дядя Коля, сейчас бы строил себе коровник и горя не знал. А тут и пулю в башку схлопотать можно.

– Не будешь?

Здоровяк затянулся, нагнулся и положил сигарету ему на живот. Дорофей дернулся, чтобы сбить сигарету.

– Замри! – гаркнул истязатель.

Дорофей понял, что ему дают шанс на спасение. Он затих, сигарета осталась лежать у него на животе, прожигая одежду и нагревая кожу.

Мужик выдул дым ему в лицо, разогнулся.

– Жить, значит, хочешь?

– Хочу!

– Тогда говори, кто тебя нанял.

- А кто меня нанял?
- Ты не знаешь, кто такой Захар Байкалов?
- Ну, слышал...

Он, конечно же, навел справки о комбинате, узнавал, кто за ним стоит. Завод обслуживала «Горохрана» из Алтанайска, фирмой руководил Байкалов. Говорят, крутой пацан.

- Он тебя нанял?
- Сигарета прожгла одежду, больно вплавилась в кожу, но Дорофей терпел.
- Зачем?
- Чтобы ты на Шустова наехал.
- Да нет, не нанимал, я сам...
- Зачем?
- Денег срубить хотел.
- А Байкалов не при делах?
- Нет.
- Уверен?
- Уверен.

Дорофей дернулся, чтобы скинуть с себя сигарету, но было уже поздно. Окурочек был уже под одеждой, его можно было выцепить только рукой.

Мужик подал знак, и его люди всей толпой обрушились на Дорофея. Его били, пока он не отрубился.

В чувство его привела теплая струя в лицо. Кто-то тупо сходил на него по-малому. А могли замудрить и по-большому.

- Кто тебя нанял? – спросил здоровяк.
- Байкалов! – заорал Дорофей.

Он готов был на любую ложь, лишь бы его оставили в покое. Лишь бы позволили затушить проклятый бычок.

- А сразу сказать не мог?
- Байкалов.
- Будешь работать на него?
- Нет!

– Людей обижать будешь? – Издевательская интонация в голосе мучителя нарастала с каждым вопросом.

- Нет!
- Ну, тогда живи...

Здоровяк направился к машине, остальные двинулись за ним. А Дорофей так и остался лежать связанный. И сигарета продолжала выжигать плоть.

- А-а! – заорал он.
- Это, конечно, хорошо, что его не убили. Но ведь он сдохнет здесь, если его не развяжут.
- Бычок у него там, – донеслось из темноты.
- Надо потушить, – отозвался другой голос.

К Дорофею подошли со всех сторон. Он увидел, как парень с лысой, шарообразной головой расстегивает ширинку.

На него дули в четыре струи. Никогда не думал Дорофей, что для него столь унижительный процесс будет в радость. Но в нем же крылось и разочарование. Мучители сделали свое дело, ушли, а окурочек продолжал выжигать в нем клеймо. И потух он лишь выгорев дотла.

* * *

Отец среагировал немедленно и выслал на комбинат группу спецов, которые быстро решили задачу. Эти же ребята окружили Олега охраной. Они же помогли ему организовать охрану завода и базы, где он жил. И все у них получилось. Олегу осталось только почивать на лаврах.

– Я же говорил, что ваш Байкалов ноль без палочки. А вы, Игнат Ильич, сомневались, – наслаждаясь своей победой, сказал Олег.

Секретарша подала кофе, Олег подмигнул ей.

В кабинете директора он находился на правах хозяина, и секретарша Лидочка больше улыбалась ему, чем Кадомцеву. Девочка она ладная, в постели с такой скучно не будет, но Олег не хотел связываться с местными. Хватит с него Любы с ее «братом»... Люба, конечно, была пешкой в игре против него, но вдруг та же Лидочка реально заявит об изнасиловании? Чтобы выйти за Олега замуж. Проблема решаемая, но понервничать придется, а зачем ему это?

– Я не сомневался, я создавал отрицательный заряд, – улыбнулся Кадомцев. – Истина рождается в спорах, а для спора нужна разность потенциалов. У вас был «плюс», у меня «минус»...

– Истина рождается в «плюсе», – усмехнулся Олег.

– Еще не вечер.

– Опять отрицательный заряд?

– У нас теперь своя собственная охрана, но это обошлось нам в круглую сумму. И содержание будет влетать в копеечку...

– Независимость – дорогое удовольствие.

– Даже не буду спорить, – кивнул Кадомцев. – Байкалов мог взять нас под полный контроль. Но мы отбились. Больше он к нам не сунется. А за свою независимость мы будем платить самим себе.

– Вот видите.

На столе у Кадомцева зазвонил телефон. Трубку он снял с улыбкой, но, выслушав собеседника, скривил лицо.

– Что случилось? – настороженно спросил Олег.

– Авария на путепроводе, тридцать восьмой километр, выброс газа, – сказал Кадомцев и снова вернулся к разговору с абонентом.

Он требовал немедленных мер, а Олег думал о диверсии, которую мог организовать Байкалов. А он мог организовать! Газопровод – уязвимое место, а жители поселка при аварии не пострадают.

Но ведь это можно преподнести как теракт – со всем отсюда вытекающим. Обстановка в стране тяжелая, терроризм – враг номер один. Если к месту подтянется ФСБ, Байкалову мало не покажется.

А если Байкалов сможет выкрутиться, если ответит ударом на удар?.. Может, зря Олег связался с ним? Может, надо было согласиться на увеличение платы за охрану?

Глава 3

Женщина шла на кассу, как танк – на пулеметы. Жанна едва успела увернуться.

– Три футболки! – громынуло с тылу.

А по фронту на Жанну надвигался мужик с такими же футболками. Этот, правда, обогнул ее, даже не коснувшись.

Ни в одном бутике Жанна не видела такого ажиотажа, как здесь. Народу не то чтобы много, но хватает, и всех интересуют футболки, майки. Джинсы, куртки, сумки, обувь – этого в достатке, но все дорогое, зато футболки наверняка дешевые. Их и берут.

Жанна подошла к стеллажам, возле которых толкались двое, глянула на ценники. Да, футболки реально дешевые. А качество? Жана взяла одну, осмотрела. Материал – чисто хлопок, приятный на ощупь, швы прочные, аккуратные. И даже бренд выбит. «Восс». Первая буква латинская, последние две из кириллицы. Звучит как название известной немецкой фирмы. А то, что это явная подделка, никого не волнует. Главное, что дешево.

– Покупай, не пожалеешь, – раздалось за спиной.

Жанна обернулась и увидела Зойку. Красивая стерва, стильная. Красота у нее резкая, острая, как чилийский перец, но Захару нравится. Если он женился на ней...

– При стирке не линяет, – сказала Зойка, глядя на нее с хищной иронией.

Жанну тоже считали красивой. И одевалась она даже лучше, чем Зойка. Но у Жанны не было Захара, за которого она в недавнем прошлом так боролась. Захар остался с Зойкой, и Жанна ему никогда этого не простит.

– Кто не линяет? – колко спросила Жанна.

– Давай ты не будешь нарываться... – предостерегающе глянула на нее Зойка. И тут же мило улыбнулась. – Как дела?

– Все как обычно. Все хорошо.

– Как отец?

Зойка всем видом давала понять, что у нее нет никакого желания брызгать ядом. Зато Жанна не прочь была ужалить ее. Но с Зойкой лучше не связываться, язык у нее как стрела – летит далеко, прокалывает насквозь. И ударить она может, хотя Жанна однажды смогла намять ей бока. Взяв реванш за поражение.

– Да ничего, работает.

– Помогает?

– Скучать не приходится.

В начале года на отца покушались, он два месяца провел в коме, и все это время Жанна пыталась взять под контроль его банк. И когда ей это удалось, из него ушли деньги – четыре зеленых миллиона. Но ничего, деньги уже давно отбили, дела снова идут в гору. Отец у руля, а Жанна рядом. На должность управляющего она не просится, не хочет брать на себя ответственность, но руку на пульсе держит. Сейчас она знает, как текут финансовые реки, из каких камней выложены их русла. И чувствует себя рыбой в этой воде. Или даже русалкой – красивой и одинокой.

Впрочем, одиночество ее вовсе не напрягает. Хотя бы потому, что ее не терзают размышления о своей ненужности. Если была замужем, то какие вопросы?..

– Это хорошо, – кивнула Зойка.

– Да уж, – совсем не весело глянула на нее Жанна.

– Не злись на меня, не надо.

В голосе у Зойки всплакнули жалобные нотки, но Жанна учуяла в этом подвох. Она прекрасно знала, с кем имеет дело, поэтому не расслаблялась.

– Я подумаю.

– Я уже подумала, – Зойка нежно улыбнулась.

Она не делала резких движений, но Жанна все равно не успела уклониться от ее объятий. И даже позволила поцеловать себя в щеку.

– И это при том, что я тебя ненавижу, – все так же мило улыбаясь, сказала Зойка.

И ушла, оставив Жанну в растерянности.

Отец растил ее как мальчишку, она умела драться, более того, распускала руки при первой же возможности. У нее был вздорный характер, и она могла избить парня при малейшем намеке на оскорбление. А девчонок она и вовсе за людей не считала. И с Зойкой она, было дело, сошлась, уверенная в своей победе. Но Зойка быстро взяла над ней верх – как в физическом плане, так и в моральном. Да, однажды Жанна смогла навешать ей, но Зойка по-прежнему довлела над ней. Так же, как и Захар. Только он и его Зойка могли вогнать ее в ступор.

Захар крутой до неприличия. И такой же притягательный. И Зойка не простая. Мало того, что она держала Захара, не отпуская его к Жанне, она еще и Патрика убила. Заказала его, чтобы не допустить их дуэли с Захаром. Дуэли из-за Жанны... Это сейчас Жанна знает, что Патрика убили еще и за его подлость. Патрику сделали предупреждение, а он ничего не понял и заказал Захара. Более того, слетев с катушек, пытался убить и саму Жанну. И даже Ставра... От него избавились как от бешеного пса. Но как бы то ни было, Патрик приходился Жанне мужем. И это Зойка сделала ее вдовой... Как же она ненавидела эту суку!.. Ненавидела, но боялась... Никого так не боялась, как Зойку. И никого так не хотела ужалить, как ее...

– Девушка!

Кто-то вдруг щелкнул пальцами перед ее носом. Жанна пришла в чувство и разглядела симпатичного парня, который иронично улыбался, глядя на нее. Высокий, в меру широкоплечий. В правильных чертах лица угадывалась порода. И одет он был реально хорошо. Шмотки на нем брендовые, причем все – новые.

– Модели должны ходить, а не стоять.

Он продолжал улыбаться, но Жанна не могла сказать, шутил он или не очень. Возможно, он всерьез принял ее за модель, которая должна демонстрировать одежду. Будь у Жанны такой магазин, как этот, она бы, пожалуй, наняла пару красоток под это дело.

– Я не манекенщица, я манекен. Стою и не потею.

– И с твоего манекена можно снять одежду?

За такой вопрос Жанна могла дать в глаз, но возмущение в ней почему-то не всколыхнулось. Может, потому что парень шутил от всей души, говоря о серьезном. Он хотел снять с нее одежду и мог сделать это красиво.

– Можно. Но не всем.

Глядя на него, ей вдруг захотелось остаться без одежды. Хотя бы назло Захару, который мог, но не бегал за ней. Да и сам по себе парень заслуживал внимания. И красивый, и не было...

– Хотел бы я заслужить это право.

– Жанна.

– Олег.

– Ты откуда такой взялся, Олег?

– Из Москвы... Проездом.

– Лишь бы не пролетом, – улыбнулась она.

Жанна не считала себя порочной женщиной. Еще год назад, в двадцать лет, она была девственницей. И женщиной ее сделал человек, который чуть погодя стал ее мужем. Прошел всего лишь год, и она уже вдова. Пятый месяц как... И после Патрика ни разу, ни с кем. Хотя возможностей хватало. И желание было. Только вот не хотелось, чтобы у нее за спиной усмехались. Дочь самого Ставра, а ведет себя как шлюха...

И постоянного мужчину заводить не хотелось. Если бы с Захаром, то да, чтобы для проформы – не надо... А может, и Захар бы ее тяготил. Как это было с Патриком. Пришлось бы подстраиваться под него, приспосабливаться в ущерб своей свободе...

Но мужчина иногда нужен. Хорошо бы с Захаром, хотя бы раз в неделю. Но с ним опасно, а рисковать своей жизнью что-то не очень хочется... Может, с этим вот Олегом понравится? Если он из Москвы, если проездом, то почему бы и нет? Она получит удовольствие и очень скоро забудет его как приятный сон. А он пусть треплется, рассказывает, как одержал легкую победу над провинциалкой. Пусть, она не против, но только если чесать языком он будет в Москве.

– Надеюсь на взаимность.

– Я сейчас на работе, давай после шести, – сказала она.

– На работе? – Он с улыбкой обвел взглядом торговый зал.

– На работе.

Она кивнула. Да, Олег не ошибся. Она действительно работает здесь «вешалкой». Потому и одета хорошо. Прическа, макияж, маникюр – все на уровне по той же причине.

– После шести где?

– В половине седьмого. У кинотеатра «Слава»...

– Это где?

– Там, где гостиница «Советская».

– Там, где места для поцелуев?

– Ужин можешь заказать в номер, – поворачиваясь к нему боком, сказала Жанна.

Да, это будет роман на одну ночь. Без всяких взаимных обязательств... В конце концов, она вдова – причем богатая и независимая. У нее есть право на свободные отношения.

* * *

Кинотеатр возле гостиницы, ужин можно заказать в номер, прямо в постель. Коротко и ясно... Только вот сама Жанна не производила впечатление проститутки. Странная она девушка, себе на уме. И если честно, Олег сомневался, что встретится с ней. Но на свидание пришел. После того, как заказал номер в гостинице.

А когда Жанна появилась, сомнения на ее счет отпали. Темно-русый боб-каре исчез, его накрыло белокурым париком. Яркий, крикливый макияж, платье, стремящееся к мини, туфли на шпильке... Жанна была проституткой. А в магазине модной одежды она всего лишь подрабатывала. Может, и клиентов там снимала.

Но вряд ли эта проститутка работала под сутенером, давая кому ни попадя. Она работала только с теми, кто мог хорошо заплатить. И с теми, кто хоть чуть-чуть нравился. Во всяком случае, Олег так думал, глядя на нее.

И еще он подумал, что встреча с ней может закончиться для него плачевно. Только вот ощущения ловушки почему-то не было. Может быть потому, что Олег сам подошел к ней в магазине. Жанна стояла, о чем-то туго думая, и внимания к себе она не привлекала. Какие тут могут быть подозрения?.. Но телохранителей Олег с собой все же взял. Правда, работали они сейчас на дистанции, чтобы не напрягать Жанну.

– Привет!

Она подошла к нему так близко, что вдруг возникло желание прижаться к ней и поцеловать в щеку, а еще лучше в губы. Подсознание пьяно взбудрил и запах «пятой» «Шанели».

– В кино? – спросил он.

– Мне бы чего повеселей.

– А ужин в постель – не скучно?

– Если после, то нет, – улыбнулась она, влюбленно глядя куда-то сквозь него.

– После?

– Мы идем или ты передумал?

Олег провел девушку в люкс, там обнял за талию, прижал к себе.

– Выпьем? – Она не отстранилась, но и не остановилась.

Опустилась в кресло, забросила ногу за ногу и выразительно глянула на бутылку шампанского, которое ждало своего часа в ведерке со льдом.

Вскрывая бутылку, Олег не мог отвести глаз от ее стройных ножек, может, потому и не смог удержать пробку. Она с шумом вылетела, ударилась в потолок и упала в самый разрез платья, застряв между наливными пышностями. Грудь у нее такая же потрясающая, как и ноги...

– Это к сексу, – запросто сказала она.

– Я тоже так почему-то подумал, – улыбнулся он.

– А я сомневалась...

– А сейчас?

Он стал наполнять бокал, но пена хлынула через край. И Жанна кокетливо усмехнулась, глядя на это.

– Я еще только думаю. Но уже склоняюсь.

– Сколько?

Этот вопрос удивил Жанну, но вместе с тем вызвал и понимание.

– Я не проститутка... – Она взяла свой бокал, поднялась. – Так что ты можешь смело выпить со мной на брудершафт.

– Легко!

Они выпили, поцеловались. Он отшвырнул свой бокал, она – свой. Их губы снова слились, его руки нащупали молнию у нее на спине, опустили бегунок. Жанна внутренне напряглась и даже подалась назад, но Олег знал, как вести себя в таких случаях. Главное – напор и уверенность.

Платье полетело на кресло, Жанна легла на кровать.

– Не торопись, – закрывая глаза, пробормотала она.

Олег лишь усмехнулся. Он знал, как сделать так, чтобы ее просьба обратилась в требование поторопиться. Он покажет ей, как разгоняется паровоз. И очень скоро Жанна будет выть, как паровозный гудок.

* * *

Красивое лицо, роскошная грудь, узкие бедра, длинные ноги... Жанна смотрела на себя в зеркало и не могла понять, почему получила от ворот поворот. «Извини, но это была наша первая и последняя ночь...» Она же помнила, как мужчины смотрели на нее, когда она шла по пляжу в мини-бикини. Эти пожирающие взгляды не возбуждали ее, но ведь она их чувствовала...

– Почему ты сегодня уезжаешь? – спросила Жанна.

Она стояла перед зеркалом, пытаясь отыскать изъяны в своей наготе. Олег лежал в постели, смотрел на нее, но глупо было бы стесняться после безумной ночи с ним.

– Я же сказал, что проездом в Алтанайске...

Жанна мотнула головой. Она ему не верила. Потому что знала цену его словам. Олег получил свое, и она стала ему не интересна.

Нет, она и сама не собиралась продолжать с ним отношения. И удерживать его не хотела. Более того, она рвалась к себе домой, в свою уютную квартирку... Но все равно обидно. Неужели она такая плохая, что мужчины бросают ее?

С Захаром она провела всего одну ночь, на этом все и закончилось. Патрик женился на ней, но, как только представилась возможность, завел себе любовницу... Теперь вот Олег воротит от нее нос.

– Ты меня бросаешь, – качнула она головой.

И медленно сняла со спинки кресла платье.

– Ты же знала, что так будет, – усмехнулся он.

– Да, ты меня бросаешь, – Жанна протяжно вздохнула.

Она знала, что им придется расстаться. Но почему ей так больно?..

– Или ты думала, что я женюсь на тебе и увезу в Москву?

– Заткнись! – Жанна сказала это резко, но платье на себе оправила плавным движением.

– Что ты сказала? – вскинулся Олег.

Жанна метнула в него молнию-взгляд, но сама же себя и осадил. Она могла бы сломать ему кадык, но, увы, ситуация не та. В милицию она попасть не боялась, но ей не улыбалась дурная слава. Начнутся вопросы, появятся ответы, и весь город узнает, что Жанна провела ночь с мужчиной как гостиничная проститутка.

– Молнию застегни, – смягчаясь, сказала она.

И он остыл. Даже поднялся с постели, застегнул молнию.

– Ты так больше не говори, – сказал он.

– А почему ты не можешь на мне жениться? – Жанна вцепилась в него взглядом.

– Ну, хотя бы потому, что родители будут против.

– Понятно. Папа большой человек. Но мелкий лавочник, – усмехнулась она.

– У кого папа мелкий лавочник? – вскинулся Олег.

– А мама читает светские журналы. И считает себя светской львицей.

– Моя мама заведует благотворительным фондом, светские рауты – это ее среда обитания.

– Да? – Жанна опустила в кресло, забросила ногу за ногу, приставила палец к щеке.

И вперила в Олега дразнящий взгляд. Пусть доказывает, какой он крутой, а она посмеется.

– И у отца крупный бизнес, – сказал он. – Благотворительный фонд у мамы. А у отца химический комбинат. Здесь. В Горновке.

– Минеральные удобрения?

– Ты знаешь?

– Я знаю, что ты козел, Олежик! – съязвила Жанна.

Конечно же, она знала про этот комбинат. Отец опутал своей паутиной весь город: все финансовые операции только через «Алтанай-Банк». Кто не согласен обслуживаться у него, тому черная метка. Химкомбинат раньше работал с банком «Гармония», от которого сейчас остались одни объедки. Новый собственник переключил предприятие на московский банк, там у них, на комбинате, свой расчетно-кассовый отдел, своя кухня. Отец предложил свои услуги, но получил отказ. Объяснение простое – московский банк инвестирует, кредитует, поэтому связи с ним рвать никак нельзя. Отец не дурак, он все понял и вошел в положение. Более того, он предложил кредит на хороших условиях. Новый хозяин отказался, но на записку предложение взял... Нет, отец не оставит в покое этот комбинат. Рано или поздно он поставит его в зависимость от себя. Пока он высматривает, поджидает, как паук в паутине. А Жанна, конечно же, в курсе. Она уже добилась того, чтобы первый человек в городе не мог обходиться без нее. Потому и обидно чувствовать себя брошенной лохушкой.

– Я же сказал, следи за словами! – вспыхнул Олег.

– Твоя фамилия Шустов. И твой отец – основной акционер Горновского химкомбината.

– Ты откуда знаешь? – напрягся он, высматривая в ней подвох.

Действительно, вдруг Жанна подсадная утка или просто приманка для ловли на живца.

– Ну кто ж не знает, как ты поселковую девочку обесчестил? – усмехнулась Жанна.

И эту историю она знала. Как знала и о том, что Шустов прокатил и Захара с его предложением. Захар, конечно же, так просто это дело не оставит, и отец ждет, чем все закончится.

– Ты кто такая? – Олег взбесился, рванул к ней.

И руку вытянул, чтобы схватить ее за горло. Но Жанна встретила его четко поставленным ударом в пах, и парень скорчился от боли.

– Ты и часа не проживешь, если тронешь меня хотя бы пальцем.

Она знала, куда бить, если Олег снова дернется в ее сторону. Поэтому и угроза прозвучала уверенно.

– Ты кто такая? – с трудом разгибаясь, спросил он.

– Мой отец сделал вам предложение, от которого нельзя было отказываться.

– Твой отец?

– Ставцов Геннадий Лукьянович, председатель правления «Алтанай-Банк».

– Хочешь сказать, что мы встретились не случайно? – Шустов хватанул ртом воздух, чтобы восстановить дыхательный ритм.

В ответ Жанна рассмеялась:

– Ты идиот?.. Чтобы я подставлялась из-за какого-то вшивого комбината?!

– Но если ты дочь Ставцова... Я не верю в совпадения...

– Это ты появился в магазине после меня, – сказала она, размышляя вслух.

– Я?! Хочешь сказать, что это я нарочно тебя... с тобой познакомился... А зачем? Какая мне выгода?.. Да и не знал я, что у Ставцова есть взрослая дочь! – мотнул головой Шустов.

– Взрослая и красивая дочь... – жестко глянула на него Жанна. – Ты не сказал, что я красивая... Ты отфутболил меня, как какую-то дешевку... Ты подлец, и ты оскорбил меня...

Жанна взяла сумочку, направилась к выходу.

– погоди! – Олег попытался взять ее под руку, но нарвался на удар – локтем в «солнышко».

И его накачанный пресс не смог его выручить. Пополам он не сложился, но отскочил о Жанны как ужаленный. И, пытаясь восстановить дыхание, приложил к груди ладони.

Жанна повернулась к нему и глянула, как будто пощечину влепила.

– Если вдруг кто-нибудь узнает, что мы с тобой были, заказывай себе памятник. И надпись: «Он умер молодым».

Жанна снисходительно усмехнулась. Так уж и быть, она пришлет от себя венок на похороны.

* * *

Пришла беда – подставляй ворота. Сначала комбинат дал зубодробительную ответку, затем наехали менты. И все из-за тети Тони. Дорофей подъехал к ней, она передала ему деньги, и тут вдруг раз, и пара стальных браслетов на руках.

– По вымогательству вопросов нет, – со скучающим видом сказал опер, младший лейтенант старшего возраста. – А по гражданке Шляховой есть. Кто-то угрожал изнасиловать ее по второму разу.

– Заявление есть? – угрюмо спросил Дорофей.

– Есть. От гражданки Герасовой. И взяли тебя с личным. Попал ты, Дорофеев. Как там в песне поется? «Дорога дальняя, казенный дом».

– Может, договоримся? – Дорофей потер собранными в щепотку пальцами.

– Нет. – Опер опустил голову, как будто для того, чтобы не смотреть ему в глаза.

– Почему?

– Да есть подозрения на твой счет. Возможно, тебе предъявят обвинения в терроризме.

- В чем?
- Ну, это не моя епархия, это в городе тобой будут заниматься...
- Какой терроризм? Что за дичь, начальник?
- Путепровод на тридцать восьмом километре разрезали. Вдруг твоя работа?
- Какая работа? Авария там была!
- Ну вот, про аварию знаешь.
- А кто не знает? Я что, к вам сюда с луны свалился? Или я на Марсе живу?
- Это не ко мне, это к следователю... Отдыхай пока.

Лейтенант сам лично сопроводил Дорофея в камеру для временно задержанных. Своего изолятора в участке не было, а статья у него серьезная, поэтому завтра – этап в город. И дорога дальняя будет, и казенный дом.

Дорофей лег на жесткую скамью, забросил руку за голову. Одно утешает – статья у него реально серьезная. А если еще ему и диверсию на газопроводе пришьют, братва в зоне реально его зауважает. И все забудут о его прошлой статье. В конце концов, его же не продырявили...

Не хотелось, конечно, уходить на этап, но жизнь – она штука подлая, и раз уж она подставила подножку, нужно падать правильно, так, чтобы не сломать себе шею. А зоновскую жизнь Дорофей знает, ему не привыкать. Тем более что в этот раз он будет жить в куда более комфортных условиях...

Успокаивая себя, он не заметил, как заснул. А разбудил его скрип открываемой двери.

– Дорофеев, на выход! – Сержант провел дубинкой по прутьям решетки.

Дорофей думал, что его снова поведут на допрос, но ему вернули вещи под подпись и выставили за порог.

Дорофей вышел на улицу, полной грудью вдохнул воздух свободы. И задал себе вопрос: что же случилось? Кто сотворил чудо? Пацаны? Может, они наехали на тетю Тоню и она забрала заявление? Но тогда где пацаны, почему никто не встречает?

Деньги у него были, да и без них найдутся желающие подбросить его к дому. Он вышел на дорогу, и возле него остановился не первой молодости «БМВ» темно-серого цвета. Опустилось правое переднее стекло, и Дорофей увидел бритоголового типа с мощной, как у быка, шеей. Он кивком показал на заднее сиденье.

– Садись!

– Да ладно... – Дорофей подался назад.

Но наткнулся на стену. Странно, позади ничего не должно было быть. Он обернулся и увидел еще одного амбала. Он стоял у него на пути как скальная глыба, и тело у него твердое как камень. Отсюда и ощущение стены.

– Садись!

Дорофей кивнул, открыл заднюю дверь и увидел парня менее внушительного телосложения и более располагающей внешности. Но металлический блеск в его глазах не позволял расслабиться.

– Ты же здесь в авторитете, – кивком показав за окно, с кривой усмешкой сказал парень. – А ведешь себя, как будто в штаны наделал. Присаживайся.

Дорофей с опаской подсел к нему.

– Дверь закрывай. Или очко играет?

Дорофей закрыл дверь, повернулся к парню и посмотрел ему в лицо, давая понять, что ничуть не боится его.

– Какой-то ты шугливый, Дорофей... Или осторожный?

– Осторожный.

– Ну, если трубу взломать не побоялся...

– Трубу?! На тридцать восьмом километре?!

– Не побоялся же.

- Да это не я!
- А менты на тебя думают.
- Нет у них доказательств.
- Но ведь думают... И народ думает... Может, потому Герасова и заявление забрала.

Если ты в газопровод врезался, то ты и в нее врежешься...

- Кто вы такие?
- Твоя крыша.
- Кто?!

– Ты крутой, а мы еще круче. Поэтому можем делать тебе крышу. И помогать тебе во всем. С Герасовой поговорили, начальнику вашему занесли... Говорят, ты уже всех тут, в поселке, построил?

- Ну, есть движение, – не удержался от бахвальства Дорофей.
- Вот и хорошо, двигайся дальше... Сколько ты там с комбината собирался снимать?
- Я собирался снимать?... Нисколько!

Дорофей вспомнил, как всю ночь и все утро полз по лесу к дороге. Змеей извивался, связанный по рукам и ногам, но полз. Причем на животе, с выжженной в нем язвой. Но это страшное прошлое в любой момент могло стать таким же кошмарным настоящим. Если он имеет дело с теми же самыми людьми, которые устроили бойню в шашлычной. Может, они устроили ему проверку на вшивость?

– Это ты хитро придумал, через телку снимать, – одобрительно кивнул парень. – Ты этот козырь не выбрасывай, пусть будет. Шустов местную девчонку обидел, он должен ответить за свой кобелиный беспредел...

- Я не знаю, кто ты такой.

– Зови меня Хруст. Я из города. И мы против Москвы, которая пытается установить здесь порядок.

- А если ты за Москву?
- Ты будешь делать то, что я скажу, – жестко отрезал Хруст. – Или тебя снова закроют.

А в Алтанайском СИЗО узнают, как тебя в зоне петушили...

- Не петушили! – встрепенулся Дорофей.

От сильной встряски в душе, казалось, перевернулся ушат с ледяной водой.

- Не важно, что было, важно, как скажут уважаемые люди.

- Не было ничего!..

– Знаю, что не было. Иначе бы мы на тебя не поставили. А мы даем тебе шанс выбиться в люди. И взять комбинат под свой контроль... Думаю, пятьдесят штук в месяц будет мало. Проси двести!

- А они потянут?

– Все зависит от того, захотят они тянуть или нет. Если ты будешь вести себя как король, они захотят, если нет... Ну ты понял.

- Ну, я-то могу как король...

– Вот и хорошо. Только давай договоримся, что каждый свой шаг ты будешь обсасывать с нами. Чтобы не сосать потом чужую лапу... Ты меня понял?

Дорофей кивнул. Да, он понял, что ввязывается в какую-то большую игру против комбината. В игру, где для него, возможно, отведена роль жертвенной пешки. Но вдруг ему повезет? Вдруг его пешка сможет стать ферзем? Вот тогда он заживет!..

* * *

Рабочий день закончился, пора на отдых. Дорога тянулась, петляя, через горы, вдоль русла бурной реки. Пейзаж за окном чудный, но на душе неспокойно. Олег помнил, как

однажды уже попал в засаду на этом пути. С ним сейчас куда более солидная охрана – шесть человек, все с оружием. Да у него у самого пистолет, если вдруг что, будет отстреливаться.

А «если вдруг» может приключиться в любой момент. Алтанайск с его окрестностями – проклятое место. Куда ни кинь, всюду клин. С Любой кинул, нарвался на отморозков, думал с Жанной поразвлечься, а она сама оказалась бабой с яйцами. Характер у нее – жесть, а как бьет... И зачем он только ляпнул про первую и последнюю ночь?..

Если Жанна действительно дочь Ставцова, то с ней лучше не шутить. Олег никому не сказал, с кем именно провел ночь в гостинице, но запрос на Жанну сделал. И получил ответ.

Жанна действительно дочь своего отца, криминально-авторитетного банкира по кличке Ставр. И баба она бывалая. Когда отец лежал в больнице с простреленной головой, она вела его дела. На пару со своим ныне покойным мужем. Да и сейчас она участвует в делах отца не менее активно.

И еще у нее вздорный характер. Ставру не раз приходилось вытаскивать дочь из милиции, куда она попадала за драку. Олега эта информация ничуть не удивила. Жанна действительно непростая штучка. Хотя и подала себя как женщина, не обремененная высокой моралью. И в постель к малознакомому парню она легла без страха и упрека, как будто каждый день этим занималась. Но вряд ли это для нее привычное дело. Во всяком случае, она не хотела, чтобы ее узнали в гостинице, поэтому и надела парик. И Олегу сделала предупреждение, чтобы ни одна душа не прознала. А легла с ним только потому, что он неместный... И зачем он только сказал про первую и последнюю ночь? Она же собиралась бросить его, а он взял да ляпнул. А женская обида – как пчелиное жало. Все уже забудется, сама история со своим полосатым брюшком издохнет, как та пчела, а жало, если прикоснешься, ужалит... А еще женская обида может быть змеей, которая сама подкрадывается к жертве и жалит насмерть.

– Приехали!

Машина остановилась возле дома. Родик остался в машине, а Савелий вышел. К нему присоединились бойцы из второй машины, они втроем зашли в дом. Еще двое остались возле «Мерседеса», стоят, озираются. Вдруг какая-то опасность.

Олег закрыл глаза. Так вдруг захотелось вернуться домой, к маме. В Москве тоже опасно, но там угрожают отцу, а здесь ему лично. Это и Захар, и Жанна... Есть еще и Дорофей, но этот вроде бы уже за решеткой. Савелий все организовал.

Олег через окно увидел, как из дома выводят Любу. Она что-то говорила, всхлипывая, но Савелий ее не слушал. Он показывал ей на ворота. Любы просто не должно было быть здесь. Но ведь она появилась. И это неспроста.

Олег вышел из машины, направился к ней. Люба бросилась к нему с таким видом, как будто увидела любимого после долгой разлуки.

– Олег!

Она даже попыталась броситься ему на шею, но ее поймали, удержали.

– Олег, скажи им! – вырываясь, капризно потребовала Люба.

– Что ты здесь делаешь? – холодно спросил он.

И Люба оцепенело застыла, потрясенно глядя на него. Она, казалось, не верила своим ушам. Неужели она действительно думала, что Олег распахнет перед ней объятия? Или это часть какой-то игры?

– Они сказали, что ты должен им какие-то алименты за меня, – хныкающим голосом сказала она.

– Кто сказал? – глянув на Савелия, спросил Олег.

– Ну, Дорофей... Он сказал, или ты женишься на мне, или будешь выплачивать двести тысяч долларов в месяц.

– Когда он это сказал? – спросил Савелий.

– Ну, сегодня... Пришел к нам, сказал...

– А разве его не закрыли? – спросил Олег.

Интересное дело, сначала Дорофей запросил пятьдесят штук, теперь вот ему нужно двести. Он что, с ума сошел?.. Или это просто игра на публику? Может, он просто хотел блеснуть перед Любой своей крутостью... Но в любом случае с ним нужно решать. Иначе он Олега в покое не оставит.

– Разберемся.

– Не надо разбираться! – просияла Люба, влюбленно глядя на Олега. – И платить ничего не надо!.. Ты просто женишься на мне, и все?

– Всего-то? – возмущенно протянул он, оторопев от такой наглости.

– А что? – Люба обиженно захлопала глазами. – Я буду хорошей женой!.. Лучше меня ты никого не найдешь!

– А я что, жену себе ищу?

– Жену не ищут! Любовь сама находит! – парировала она.

– Какая еще, на фиг, любовь?

– Я Любовь! Люба-Любовь!.. Ты со мной спал, значит, я твоя Любовь!

– Иди ты знаешь куда!.. – не выдержал Олег. И широким нервным шагом направился к дому.

– Я ее отвезу, – сказал Савелий.

– Дорофею верни. И с процентами.

– Будут проценты. Я организую.

Савелий забрал с собой всех своих бойцов, даже Родика прихватил. Олег остался в доме один. Снял пистолет с предохранителя, передернул затвор. На охрану у ворот он не надеялся. Вроде бы там и свои люди, но Любу они пропустили.

Время шло, напряжение нарастало. Когда стемнело, Олег свет включать не стал. Дом был окружен забором, но через него не трудно было перемахнуть. Олег переходил от окна к окну, наблюдая за подступами к забору.

Время шло, ничего не происходило, но напряжение только усилилось. А в половине двенадцатого позвонил Родик. Из больницы. Оказывается, они нарвались на засаду. В них не стреляли, но избили жестоко – битами, арматурой, кастетами. Савелию досталось больше всего: ему проломили голову, и он находился при смерти.

Олег понимал, что засаду могли устроить и на него, поэтому в больницу он не поехал. Он позвонил Кадомцеву, тот организовал людей из службы безопасности комбината. Но подъехали они поздно, под утро. Впрочем, Олег не мог нормально спать и под их присмотром. Стоило ему закрыть глаза, как через забор к нему начинали лезть головорезы Дорофея. С битами, арматурой, кастетами...

На завод он приехал с головной болью. И первым же делом позвонил отцу. Или он высылает очередную группу поддержки, или Олег возвращается в Москву. Он не собирался капитулировать перед местными отморозками, но и голову свою на больничную подушку класть не хотел.

Глава 4

Клуб серьезных людей жесток и опасен, как банка с пауками. Слабым и мягкотелым там делать нечего. И если Олег Шустов решил вступить в этот клуб, пусть не обижается. Захар готов был играть по-крупному, а сможет ли этот московский щегол выдержать удар?

Игра началась, газопровод выведен из строя, московские «быки» в полном нокауте. Если Шустов поймет все правильно и выбросит белый флаг, Захар примет капитуляцию и даже не осудит его. Если нет, последует новая провокация. Которая, возможно, вызовет войну не на жизнь, а на смерть. Захар готов и к этому. А сможет ли Шустов пожертвовать своей жизнью ради семейного бизнеса?..

Захар стоял у окна своего кабинета. Офис охранного предприятия «Восток-Охрана» переместился в другое место, а его место заняла штаб-квартира компании «Горохрана». Захар так и остался в своем кабинете.

Он помнил, как они арендовали у военных заброшенную базу хранения на окраине города, как превратили ее в крепость. Место здесь глухое, территория большая, забор высокий, прочный. Эта база стала петлей, в которую сунул голову главный авторитет Восточного района. Сарай приехал разбираться с Захаром, так здесь и сгинул. Здесь же пропал и главный бандит Западного района. Джин угодил в ловушку, из которой выбраться так и не смог. Но здесь же погибли и четыре классных пацана из команды Захара. Мурза упокоил их очередью из автомата. Он же взял в оборот и самого Захара – прострелил ему ноги, увез с собой, пытал. Сначала хотел сжечь, затем облить ледяной водой на лютom морозе. Пацаны вовремя пришли на помощь. Но вместе с ним приехала и Жанна. Она также искала Захара. Потому что любила. Да и он сам к ней неровно дышит. Но чертовы обстоятельства мешают быть им вместе...

Помнил Захар, как они с Зойкой и Жаком убегали от ментов. Тогда их штаб-квартира не могла выдержать натиск спецназа, им пришлось спасаться бегством. Зато сейчас сюда так просто не попадешь. Высокий забор, колючая проволока под напряжением, система наблюдения, собаки, ловушки, сигналки... А если вдруг враг застигнет врасплох и прорвется, есть поземные ходы. Как в любой волчьей норе.

Здесь Захар чувствовал себя безопасно, но в город выезжать не боялся. У него много могущественных врагов, и все они могут его убить, а раз так, он просто должен был привыкнуть к мысли, что жизнь может оборваться в любой момент. Должен был и привык... Никто не тянул его в клуб серьезных людей, он сам сделал свой выбор.

На столе зазвонил телефон, он взял трубку и услышал голос, который невозможно было не узнать.

– Привет!

Жанна знала номер его телефона, но практически никогда не звонила. И даже ни разу не навестила его в больнице, когда он лежал с простреленными ногами. Она боялась обострения отношений между ним и Патриком, которое могло привести к полномасштабной войне. Патрик, правда, все равно заказал Захара и был за это наказан...

– Надо встретиться.

Захар хотел придать фразе вопросительную интонацию, но голос дрогнул, и она прозвучала как предложение.

– Да, дело очень важное... Давай в «Альфе», прямо сейчас...

В трубке послышались короткие гудки. То ли Жанна куда-то спешила, то ли боялась услышать отказ.

Захар пожал плечами. Он, конечно, хотел увидеть Жанну, но что скажет Зойка?.. К тому же Жанна опасна сама по себе. Было время, когда она обвиняла Захара в покушении на жизнь своего отца. И даже пыталась отомстить. Могла она спросить и за смерть своего мужа.

Но и с телохранителями Захар ехать к Жанне не мог. И дело не в том, что кто-то из них мог стукнуть Зойке. Жанна оскорбительно усмехнется, если увидит его с охраной. Неужели он боится женщину, которая любит его? И которую должен любить он...

Захар немного подумал, взял деньги, открыл створки шкафа, зашел внутрь и спустился вниз. Подземный ход тянулся под всей территорией базы, проходил под дорогой и заканчивался в гаражном кооперативе. Захар вышел в гараж, в котором стояла старенькая, но полностью готовая к выезду «копейка».

Он не стал брать машину, просто вышел из гаража и тормознул проезжающую мимо «Ладу». Захар предложил хорошую цену, и водитель не смог ему отказать.

Клуб «Альфа-Гамма» имел свою, не очень хорошую, историю. Фактически из-за него Джин ополчился на Ставра, заказал его и подставил Захара. В конечном итоге клуб отошел Ставру, и Жанна здесь была полной хозяйкой.

Но клуб находился на территории Западного района, подконтрольного Захару. Начальник охраны выскочил навстречу, расшаркался перед ним. И проводил в кабинет, откуда открывался прекрасный вид на большой, но пустующий зал.

Жанна стояла у стола и смотрела на него взглядом, переливающимся как цветная картинка с двойным объемным изображением. И радость встречи в глазах, и злость на разлуку. Здесь же и чары, которыми она пыталась околдовать Захара. Чары, красота, загадочность...

Жанна ни разу не навестила его в больнице, но потом они все же встретились. И Захар потерял голову. Он даже собирался бросить все, чтобы остаться с ней. Бросить Зойку, оставить свое дело... Он тогда предупредил Жанну, что Патрик ведет игру против нее. Но Жанна отказалась ему верить, между ними снова пробежала черная кошка. И он остался с Зойкой.

– Целоваться не будем, – сказал он, приближаясь к ней.

– Конечно, нет. – Жанна подалась к нему и, чтобы остановиться, вытянула руку.

Но не остановился Захар. Он вплотную подошел к ней и поцеловал в щеку. Она отстранилась, но тут же притянулась к нему и подставила под поцелуй губы. И Захар начал тонуть.

В дверь постучали, и только это их остановило.

– Да! – Отстраняясь от Захара, Жанна нежно провела рукой по его плечу.

Дверь открылась, показалось смазливое личико секретарши.

– Жанна Геннадьевна, вы просили кофе, – сказала девушка.

Но кофе не было, видно, его еще не приготовили. Но зачем тогда это напоминание? Уж не для того ли, чтобы остановить Жанну? Она сама могла попросить об этом секретаршу...

– Мне минералки, – сказал Захар. И когда девушка исчезла, добавил: – После сладкого хорошо без сироба.

– Где ты был такой умный? – с сарказмом спросила она, усаживаясь в кресло.

– Ты не поверила мне, а Патрик едва не убил твоего отца.

– А вы убили его самого.

– Это все домыслы, а есть факты. Патрик сделал на меня заказ.

– Киллер промахнулся. – Жанна провела пальцами по своему надбровью, в месте, где у Захара все еще угадывался шрам от соприкосновения с пулей.

– Меня пытались убить в больнице. После того, как ты меня спасла.

– Нет, – вспоминая, качнула головой Жанна.

– Патрика предупредили, он не понял.

– Я же просила его... Даже сказала, что прокляну... – Жанна спохватилась, резко глянула на него. – Патрика больше нет! И в этом виноват ты!

– Я тебя слышал, – кивнул он.

– Знаешь ты кто?

– Черствый бездушный пень.

– Да! – Она посмотрела на Захара как ребенок на отца, который наконец-то признался, что Дед Мороз – это все-таки выдумка.

– Хотел бы доказать, что это не так, но...

– Зойка?

В ответ Захар сдержанно вздохнул. Увы, но Зойка – это препятствие, которое не обойти. Как ни крути, а он любил ее. Тем более что Зойка не просто жена, а еще и друг, которого нельзя предать. Такой же друг, как Жак. И как все, на ком держится их система.

– А я Патрика люблю! – Жанна постаралась выглядеть убедительной, но Захар ей не поверил. – Он хоть и сволочь, но с ним столько связано...

Она махнула рукой, осаживая себя.

– Ты зачем звонила?

– Соскучилась... – Жанна сказала мягко, но повторила жестко: – Соскучилась! По мужчине!.. Познакомилась тут с одним!..

– Думаешь, мне это интересно?

– Ревнуешь? – спросила она.

И нарвалась на пристальный взгляд.

– Ревную! – резко ответил Захар.

– Тогда ты просто обязан за меня заступиться! – обрадовалась Жанна.

– Он тебя обидел?

– Он повел себя со мной как с какой-то дешевой шлюхой! – вспыхнула она. – Но дело не в этом.

– А в чем?

– В том, что наши с тобой интересы совпадают.

В дверь снова постучали, секретарша подала кофе и минералку.

– Я хочу отомстить Шустову, а ты хочешь его наказать, – сказала Жанна, когда закрылась дверь.

Она даже не глянула на кофе, но Захар сделал глоток из стакана.

– Это был Шустов?

– Я знаю, он отказался от ваших услуг.

– Так же как и от ваших... – усмехнулся Захар.

Он ничуть не удивлялся ее осведомленности. Если Ставр положил глаз на химический комбинат, то наверняка там у него уже работает стукачок.

– Да, но я не хочу впутывать в это дело отца... – Жанна поднялась, обошла Захара по кругу и приблизилась к нему со спины. – Я хочу впутать в это дело тебя.

– Ну, если наши интересы совпадают...

– Я хочу, чтобы у нас с тобой совпадало все.

Она склонилась над ним, обняла за плечи, уложив ладони ему на грудь. И щекой коснулась его уха. Захар захмелел от приятных ощущений.

– Это опасно.

– А мы разве не рождены для того, чтобы играть с огнем? – спросила Жанна, губами касаясь его уха.

Захар кивнул. Этот огонь уже клокотал в нем, сжигая их с Жанной хрупкую, как оказалось, идиллию.

– Плевать я хотела на Шустова, – прошептала она. – Но мы вместе сотрем его в порошок... Мы же вместе?

– Вместе. – Захар просто не мог ответить иначе.

Его закрутило, понесло. Жанна вдруг оказалась на столе, слабеющими пальцами нажала на кнопку интеркома.

– Меня нет, запи дверь...

Это было все, что она успела сказать секретарше перед тем, как остаться без юбки.

Захар должен был остановиться – ради Зойки, ради дружбы, на которой стояла их окропленная жертвенной кровью система, но страсть оказалась сильнее разума. Это не стало для него неожиданностью. Он же знал, на что шел...

* * *

Шулика замели за пьяную драку. Набухался, полез во двор к соседу выяснять отношения, приехал наряд. Сосед заявление подавать отказался, но Шулик до сих пор в кутузке. Не выпускают его, не хотят. Дорофей мог бы его выкупить, но Хруст запретил ему это делать.

Хруст велел устроить демонстрацию силы. И Дорофей привел к ментовке всех своих бойцов. Их уже полдюжины, и большая часть – пропитые рожи. Но держатся они все гордо. Как же, весь поселок под ними; все, кто должен, платят им дань. А заводских «быков» кто отоварил? Были тут недавно, подъехали крутые все, думали одной левой пацанов раскидать...

Честно говоря, Дорофей струхнул. Но бойцы Хруста не подвели. Они ударили со спины, заварилось такое месиво... Но в поселке подробностей не знают. В поселке уверены, что это Дорофей одержал свою очередную победу – в борьбе за светлое будущее невинно обесчещенной Любы.

А демонстрация силы нужна. Заводское начальство гонит на Дорофея, натравливает на него ментов. И если сейчас его с пацанами не повяжут, значит, менты реально их боятся. И не важно, что без Хруста здесь не обошлось. Главное – результат. Который уже выходит на крыльцо.

Шулик выходил из участка, довольный как слон.

– Братан! – Боров рванул к нему, раскинув руки.

Волосы у него немытые, нечесанные, глаза отечные, морда небритая, клетчатая рубашка сто лет нестиранная, а запашок – даже бомж позавидовать может. Если бы не это, он бы, возможно, мог сойти за крутого гангстера, встречающего своего друга-мафиози после долгой отсидки.

С Шуликом побратались все. И только Дорофей не спешил подходить к нему. Не нравился ему Шулик. И немытый Боров не произвел на него впечатления.

– Братуха! – Шулик сам подошел к нему, одну руку протянул для пожатия, другую отвел в сторону для того, чтобы обнять Дорофея.

Но нарвался на кулак. Дорофей со всей силы рубанул его в челюсть, и Шулик рухнул как подкошенный.

– Ты почему вчера нажрался? – Он спрашивал у Шулика, а смотрел на Борова, который вчера также надрался до свинячьего визга.

– А что, нельзя? – поднимаясь, буркнул Шулик.

– А что, можно?! – взвыл Дорофей. – Я же ясно сказал: нельзя! Чем ты слушал? Этим? Он ударил Шулика кулаком в ухо – с размаха, плашмя. А когда он упал, дал пендаля.

– Или этим?

– Ну, не буду больше! – простонал Шулик.

– А ты будешь? – Дорофей резко надвинулся на Борова.

– Да нет, – опасливо покосился тот.

– А ты?

– Нет! – Частик пугливо отпрыгнул от Дорофея.

На очереди был Гашиш, но Дорофей увидел ментов, которые вышли полюбоваться зрелищем. И свернул свою лавочку.

Уходил он гордо расправив плечи и ноги откидывал важно – от колена. Менты должны были сейчас принять меры и задержать его как минимум за хулиганство. Но не решились они на это. Испугались. А если боятся, значит, уважают.

* * *

Деньги шли на Москву обычной дорогой – до аэропорта на машине, дальше самолетом. В то же примерно время, той же дорогой, но в обратном направлении на комбинат ехал отец. Такое вот условие задачи. И вопрос: если отец добрался до места нормально, то какая сука ограбила курьеров и увела деньги?..

– Сначала путепровод, затем Савелий с людьми, теперь вот четыреста пятнадцать тысяч... – Кадомцев говорил, а сам смотрел в окно, как будто видел где-то вдалеке место, где можно было найти работу после увольнения.

Но в той же стороне находится и город, в котором жил и орудовал Захар Байкалов.

– Нам выставили счет, приговорили к выплате, теперь вот высылают исполнительные листы. – Кадомцев набрался смелости и посмотрел отцу в глаза.

– Байкалов? – спокойно спросил отец. И щелкнул пальцами по столу, как будто сбивал неосторожно заползшего туда жучка-вредителя.

Он такой же рослый, как и Олег, но более объемный – из-за лишнего веса. Но живот пока не выпирает и второй подбородок еще только намечается.

– Больше некому, – пожал плечами Кадомцев.

– А Дорофеев? – Отец как-то странно посмотрел на сына.

– Ну, Савелий ездил разбираться с ним, – кивнул Олег.

– Из-за кого?

– Да это не важно...

– Эта «неважна» уже с твоей мамой познакомилась.

– Что?! – встрепенулся Олег.

– Предупредить приехала. Сказала, что с Дорофеевым шутки плохи. Но если она выйдет замуж за нашего сына... – Отец нарочно затянул паузу.

– Люба?

– А есть еще кто-то?

– Ну-у, как бы тебе сказать...

– Есть?.. Из-за нее тоже могут быть проблемы?

– Может, уже начались.

– Не понял.

– Не телефонный разговор, – выразительно глянув на Кадомцева, сказал Олег.

– Игнат Ильич.

Кадомцев понятиливо кивнул, но на Олега глянул с чувством обиды. Но нюни он распускать не стал – степенно поднялся, с чувством собственного достоинства вышел из кабинета.

– Выкладывай.

– Ну, она просила не говорить...

– Кто она?

– Что такое «Алтанай-Банк», ты знаешь.

– Это очень опасные люди.

– Ее зовут Жанна, она дочь самого опасного человека. Дочь Ставра... Ну, тогда я не знал, кто она такая. И она не знала... Я молодой, она молодая, ну, проскочила искра...

– Зажглось?

– Да. Только она погаснуть не захотела. Я ей сделал ручкой, а она обиделась... Она там в банке на первых ролях, а у них там глаз на наш комбинат... В общем, Жанна обиделась. И теперь может мстить.

– Как?

– Если бы мы обратились в «Алтанай-Банк», то с нашими деньгами бы ничего не случилось.

– То есть ограбление – это предупреждение от банка?

– А вдруг?

– А Кадомцева ты зачем удалил? – Отец кивком показал на дверь.

– Никто не должен знать, что я спал с Жанной.

– Почему?

– Ей не нужна дурная слава.

– Ишь ты!

– Я не хочу усугублять.

– Люба, Жанна... Кто еще?

– А этого мало?

– За Любу давит какой-то Дорофей, за Жанной стоит Ставр... А Байкалов?

– Еще и Байкалов. Я ему в праве на охрану отказал, он запросил компенсацию...

– Да уж, заварил ты кашу, сынок. Расхлебывать не пытался?

– Как?

– Ну, с Любой понятно, там Дорофеев за ниточки дергает. С ним разберутся... С Байкаловым сложнее... И Ставра с наскока не возьмешь... Они тут всеми корнями в землю вросли... В свою землю... А мы для них тут люди пришлые. Мы для них тут никто...

– Да, но за нами Москва. У тебя связи на уровне президента...

– Связи есть. И людей можно подключить. Но если мы объявим войну, комбинат встанет.

Отключат нас от газа, и все... Может, лучше купим билеты Спортлото?

– Чтобы газ не отключили?

– Насколько я понял, Байкалов ничего сверхъестественного не требует.

– На двести процентов оплату поднял.

– С чего поднял? С убыточного мизера?... Он себе в убыток завод охранял. И все спокойно было...

– Ну, если ты с ним договоришься, – пожал плечами Олег.

– Я?!

– Я на попятную не пойду.

– Ух ты!

– Я сказал слово, я обратно его не возьму! – Олег расправил плечи.

– Гордый?

– А это плохо?

– Ну хорошо, с Байкаловым я поговорю сам. А с Жанной будешь договариваться ты.

– Как?

– А как у вас там искра проскакивала, так и договоришься.

– А если она условие поставит? Все через «Алтанай-Банк»...

– Соглашайся. Но с отсрочкой. Как только отобьем кредиты через наш банк...

– Если отобьем.

– Отобьем. Но не скоро. А ты соглашайся сейчас.

– А если Жанна вдруг в Москву захочет? Ну, с мамой знакомиться...

– Сколько ей лет?

– Двадцать один год.

– Страшненькая?

– Красивая.

– Наркоманка?

– Да нет... А зачем ты спрашиваешь?

– Это не я, это мама спрашивает, – усмехнулся отец. – А ты думай своей головой. И сам решай, кого везти в Москву... Сейчас главное – договориться с «Алтанай-Банком». Поверь, с ним лучше дружить, чем воевать.

Олег озадаченно поскреб затылок. Жанна, конечно, не сахар, но и не горький перец с пустотой внутри. Неглупая и с характером, красивая и с изюминкой. И вкус у нее, и манеры... Но нет у него желания жениться – ни на ней, ни вообще. Да и она, насколько он понял, не стремилась к серьезным отношениям. Вдруг она шлюха, которой нравится сниматься и трахаться с приезжими в гостиницах? Может, это у нее фишка такая, от которой она ловит маниакальный кайф?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.